
Неспокойная ночь. Бедная овечка

Annotation

Спокойствие провинциального городка нарушает череда смертей молодых девушек. Неужели в этом богом забытом городке появился серийный убийца или же просто совпадение? В этой истории не всё так просто, здесь каждый врёт, преследуя свои цели.

Жертва первая. Анжела

Город не спал, несмотря на позднюю ночь. Этот тухлый, богом забытый “Мухосранск” никогда не спал. И Анжела тоже. “Козел” вышибала из ночного клуба чуть ли не пинками прогнал надоедливую школьницу.

“Вот Игорёк — нормальный чувак,” — рассуждала девушка о коллеге “козла”, бредя в никуда по улице. Этот всегда пропустит без проблем, еще подмигнет и шлепнет по ягодице. Жаль, что сегодня не его смена.

Беда старшеклассницы заключалась не только в недружелюбном вышибале. Дело в том, что Анжела постоянно скучала, возможно поэтому так рано пристрастилась к алкоголю, но в раннем алкоголизме драмы не видела.

“Подумаешь, пару литров пива в день или бутылка дешевого вина”. Для этого города такая доза ни о чём, детский лепет.

Привокзальная площадь всегда самая оживленная часть любого населенного пункта. То что здесь был вокзал — уже хорошо. В соседней дыре такие блага цивилизации отсутствовали.

В многочисленных чебуречных и пивных ларьках всегда можно поживится, найти себе на ночь компанию, ну или приключения. Именно этим и занималась бродившая взад-вперёд школьница. Совершенно одна, среди пьяниц и бездомных. Кто-то зазывно свистнул, девушка обернулась и оценивающе присмотрелась, изучила возможного кавалера с головы до ног. Он широко улыбнулся, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов.

— Красапета, иди сюда! Холодно на улице, я тебя согрею! — прошепелявил маргинал.

Анжела надменно вскинула тонкую бровь и презрительно фыркнула. Этот беззубый точно не в ее вкусе. И девушка двинулась дальше, вглубь пустующего перрона.

Там-то и заметила интересный субъект.

Подпирая фонарь, молодой симпатичный мужчина скроллил ленты соцсетей. Выглядел он весьма интеллигентно и даже больше того — прилично. Вполне мог оказаться богачом.

Анжела поправила волосы и направилась к незнакомцу, покачивая бёдрами и нарушая тишину звонким цоканьем каблучков.

— Зажигалки не найдется? — спросила она и томно поднесла сигарету к губам.

Мужчина, наконец-то оторвался от смартфона и посмотрел на девушку с ярким вызывающим макияжем.

Не прекращая улыбаться, достал из кармана джинс зиппо и выжег искру. Девчонка смачно затянулась, даже сигарета зашипела; вызывающе пыхнула дымом в лицо незнакомцу.

— Скучаешь? — завязала разговор Анжела.

— С чего ты взяла?

— Стоишь тут один.

— Может я электричку жду.

— Ну так последняя электричка в одиннадцать ушла, следующая только рано утром.

Он взглянул с любопытством, сверкая белозубой улыбкой.

— Сколько? — вдруг спросил напрямую.

— Что сколько?

— Сколько ты берешь за ночь?

Такой поворот нравился Анжеле, больше не надо вести светские беседы, намекать. Вот

это повезло ей сегодня, какой догадливый клиент попался.

— Давай две, — назвала цену старшеклассница.

Красавчик прыснул в кулак, заставляя девушку чувствовать себя полной идиоткой. Что его насмешило: цена или он просто насмеялся над юной девицей? Анжела недоумевала.

— Чё ржёшь?

— Всё нормально, — прекратив хохотать, сказал незнакомец. — Даю три, только отойдем подальше.

Анжела довольно лыбилась и следовала за мужчиной в густую тьму заброшенного парка. Никак не могла поверить в сказочное везение: мало того, что красавчик, так еще и платит три тысячи. Похоже звезды сегодня благоволят девушке, если сталкивают с щедрым красавчиком.

Таинственный незнакомец обернулся и шутливо спросил:

— В губы целовать можно?

— Да за три шгуки, куда хочешь целуй.

Дерзкий ответ его позабавил, вызвав очередной приступ смеха. Невероятно везло Анжеле. Вот бы так каждый вечер...

Городской морг. Четыре пятнадцать утра

Тишь коридоров морга нарушал лишь размеренный храп дежурного патологоанатома. Сан Саныч всегда крепко спал на работе, сам диву давался: молодые специалисты до утра глаз не смыкали, сторожили мертвецов, а ему хоть бы хны. Признаться честно, дома так сладко не спалось, как в этом царстве трупов.

Вдруг заскрипели двери и два санитары вкатили укрытое целлофаном тело, за ними следом вошли два молодых оперативника.

— Сан Саныч! — заорал на ухо санитар.

Пожилой мужчина вскочил, будто вовсе и не спал, поправив съехавшие на переносицу очки.

— Принимай! — кивнул работник морга на труп.

— Кто это? — спросонья задал вопрос Сан Саныч, хотя личность покойников его мало интересовала.

Не дожидаясь ответа, махнул рукой и расстегнул мешок.

— Молоденькая какая, — заметил патологоанатом.

— Школьница, — оперативник подошел ближе и засмотрелся на когда-то красивое лицо обезображенное смертью. — Анжела звали.

— Что же тебе Анжела, дома не сиделось? — пробубнил под нос Сан Саныч натягивая перчатки.

Конечно, мертвая девушка ему не ответит. Да и какая уже разница: почему, зачем? Всё это совсем не важно. По крайней мере, для трупа Анжелы подобные вопросы не имели никакого смысла.

— Вы идите, — сказал дежурный, приготовив инструменты для вскрытия. — Точную причину смерти скажу не раньше полудня.

Сотрудники полиции бегло пробежали глазами по инструментам, присутствовать на вскрытии желания не возникло, а вот на счет причины всё и так предельно ясно, без мнения экспертов. Красноречивее всего за себя говорило кровавое месиво на месте виска.

Расследование. Версия первая

Следователь Панин был очень недоволен. И это мягко сказано. Он крыл трехэтажным матом всех подряд без исключения, проклинал тупых людей, малолетних проституток, их нерадивых родителей, безалаберных учителей, в целом всех, кто причастен к разгульной жизни покойной.

— Конец квартала! — жаловался Панин на превратности судьбы младшему по званию коллеге. — Ёп твою мать! Да как так-то?! Я уже отчет подготовил, раскрываемость выше среднего, показатели растут и на тебе! — прихлопнул он в сердцах.

Лейтенант согласно кивал, сожалея, что именно ему поручили доложить об убийстве на Привокзальной.

— Это ж висяк! — перебрасывал бумаги бешеный капитан и продолжал материться.

К обеду он всё же немного притих, продумывая в уме алгоритм дальнейших действий. Честолобец Панин не мог допустить плохих показателей, нераскрытое преступление в корне портило картину, поэтому кровь из носа, а убийца будет найден. Правда перед началом расследования решил заехать в морг и еще раз убедиться в самом главном — действительно ли убийство?

— Ну Сан Саныч, — взмолился следователь, — может она сама упала?

Сан Саныч тоже совсем не трудоголик, прекрасно понимал желание капитана скосить дело под несчастный случай.

— Виталя, — обратился он к просящему, — ты, вообще, дурак? Какое “сама”? У девчонки мозг наружу!

— Блин! — досадовал Виталий Егорович, не прокатило.

Следователь Панин терпеть не мог кропотливую работу. Все эти улики, доказательства, сиди высматривай чуть ли не с лупой иголку в стоге сена. Фу! У него были иные методы работы, в простонародье это называется “рубить с плеча” и “на авось”. И ленивый сыщик собирался взвалить вину на какого-нибудь бомжа с помойки, выдвинув версию разбойного нападения. Как вдруг, привезли записи камер наблюдения.

“Кому бы поручить столь нелегкое задание?” — гадал Панин и ткнул пальцем в притихшую в углу стажерку.

— Ты, как там тебя! — забыл он имя и защелкал пальцами.

— Валюшкина, — тихо представилась девушка.

— Ага, да! — ему всё равно, через минуту снова забудет. — Значит, ищи на записях эту самую! Да ёп твою мать! Короче, убитую!

Раздав поручения и команды, Виталий Егорович с чувством выполненного долга отправился обедать.

Вернулся в хорошем настроении, потому что любил снимать стресс рюмкой коньяка.

— Нашла что? — спросил с порога стажерку, не успевшую даже перекусить толком.

— В 23.46 убитая последний раз попала в обзор камер видеонаблюдения, затем ушла с перрона с каким-то неизвестным, — доложила Валюшкина.

— С каким-то неизвестным, — передразнил ее Панин. — С каким неизвестным? Куда ушла?

Девушка потупила глаза в пол.

— Чем ты тут занималась? — продолжал нападки капитан. — Два часа прошло, а ты

мне “ушла с каким-то, куда-то”. Где факты, стажер?

— Валюшкина.

— Чего?

— Моя фамилия Валюшкина.

Следователь презрительно окинул говорившую взглядом. Без году неделя в отделе, а уже смеет дерзить.

— Мне пострать какая у тебя фамилия! Мне доказательства нужны, факты! Чему вас учат в этих институтах, а? Штаны просиживать?

Стажерка Валюшкина уже не смела возразить и молча терпела оскорбления.

— Давай показывай своего неизвестного!

Раскрасневшийся Панин упал в кресло и утирая платком пот со лба, внимательно уставился в монитор.

На записи действительно промелькнула фигура Анжелы, остановилась неподалеку. В самом конце перрона вырисовывался силуэт, но разглядеть черты лица не представлялось возможным — запись некачественная.

— А ну увеличь, — потребовал капитан.

Девушка клацнула мышкой, изменив масштаб, но четкости не было.

— Ну ближе, сказал же! — раздраженно потребовал Панин.

— Всё, — проямлила Валюшкина.

— Что всё? — гневно выпалил мужчина.

— Ближе нельзя.

— Тьфу! — плюнул на нее раздосадованный следователь. — Так, а где они уходят ключи!

Девушка послушно выполнила команду.

Этот фрагмент был и вовсе с помехами. Яркое расплывчатое пятно, по всей вероятности Анжела, двигалась вглубь перрона. И за кем следовала девушка — не разглядеть.

Панин откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— Ну вот что ты мне тут наплела? — отчитал неопытную стажерку. — Кто, куда уходит? Ничего же не видно! С чего ты взяла, что девчонка пошла за кем-то, а не сама?

— Я просто предположила, — пробормотала Валюшкина.

— Что? — Виталий Егорович чувствовал бешеное раздражение.

Эта мямля, у которой молоко на губах не обсохло; глупая малолетка, будто искавшая смерть — всё это нарушило душевное равновесие лучшего работника отдела.

— Пошла...работать! — он хотел сказать другое, но сумел сдержаться.

— А как же запись? Приобщать к делу?

— Что там приобщать? Ничего не видно!

Он бы снова разорался, к счастью, в кабинет вовремя постучали.

— Виталий Егорович, пришли родители убитой с Привокзальной, — доложил дежурный.

Панин почесал лысеющую макушку, подумал-подумал — кому бы доверить опрос. И решил заняться этим делом сам — поговорить он любил.

— А кто такие? — спросил у дежурного, тот сразу понял, что начальник имеет в виду.

— Да обычные работяги.

“Еще лучше”, — с такими можно построже, сделал вывод следователь и пригласил убитых горем родителей в личный кабинет.

Битый час он с ними беседовал, отец еще более менее адекватно реагировал на жесткие вопросы, а мать рыдала безутешно. В конце концов пришлось ее вывести. Оставшись с папой Анжелы наедине, Панин попытался войти в доверие и выведать все секреты покойной дочери: с кем дружила, ссорилась, встречалась. Отец рассказал всё как на духу. Он и сам желал больше всего на свете справедливости. Тот, кто убил его девочку, должен понести суровое наказание.

— Анжелка, конечно, не подарок была, — делился переживаниями грустный родитель. — Но так девка хорошая. Чего ей не хватало, хрен его знает.

Следователь печалился и кивал головой.

— Эх брат, — махнул он рукой, — как я тебя понимаю. И у меня тоже дети.

Мужчина проникся симпатией к капитану: “Вроде и мент, а человек неплохой”.

— Говоришь, поссорилась Анжелка с парнем накануне убийства? — Панин крепко сцепился в наметившуюся версию.

— Да, — подтвердил отец убитой. — С Андрюхой из соседнего дома. Чего-то не заладили, ревновал он что ли.

— Ага-ага, — Виталий Егорович уже нарисовал в голове всю картину преступления.

“Парень убил девушку из-за ревности. Всё сходится: мотив налицо, поэтому и орудие преступления — первое, что под руку попало. Испугался, следы замел и притаился где-то, гаденьш”.

В общем-то, дело считай раскрыто. Следователь быстренько сварганил ордер на задержание, собрал оперативников и в прекрасном настроении ждал служебное авто.

— Колмаков, чего такой кислый? — пристал он к коллеге, бредущему по коридору.

Колмаков протянул руку для приветствия.

— А ты чего радостный такой?

— А потому что без пяти минут майор, салага! — заявил радостно Панин и загоготал. — Учись, студент!

Все знали веселый нрав Виталика, поэтому никто не обижался на дурацкие шутки. “Кислый” Колмаков равнодушно поздравил коллегу и пошел своей дорогой, ему сейчас своих проблем хватало.

Дело раскрыто. Версия вторая

— Вот гаденыш, — подозреваемый не открывал. — Коля, ломай дверь! — дал команду следователей и отошел в сторонку.

Коля устало вздохнул, взял разбег и вынес дверь вместе с петлями. Оперативники настороженно вошли в квартиру, осмотрелись и застопорились у входа в гостиную. Панин ростом не выделялся, но и коротышкой не был, стал за спинами высоких сотрудников полиции.

— И где вас таких дылд выращивают, — раздражался Виталий Егорович, вытягивая шею. — Чего замерли?!

Ребята расступились и наконец-то Панин увидел причину заминки. Посреди комнаты слабо колыхалось тело, подвешенное на люстре.

— Ёп твою мать, — опустил руки капитан.

— Егорыч, вызвать труповозку? — задал бессмысленный вопрос оперативник.

— Нет, Коля, попробуем оживить! Конечно, вызывай!

Расстроенный следователь приземлился в кресло. Его просто разрывало от досады: “Ну не мог что ли этот балбес позже повеситься!”. — Вот незадача, ищи теперь виновных.

— Снимайте! — крикнул он застывшим полицейским.

Суетились вокруг тела криминалисты, щелкал фотоаппарат, участковый лениво переписывал данные. А Виталий Егорович с кислой миной смотрел на давно остывший труп главного подозреваемого. Уже представил, как снимут портрет с доски почета; не видать премиальных; не обмыть очередную звездочку на погонах.

Панин прицокнул от недовольства, подперев щеку. Наблюдал, как санитары погрузили тело на носилки, застегнули черный мешок. “Всё это не хорошо,” — подумал следователь и вдруг его мрачные мысли озарила гениальная идея.

Он даже в кресле подпрыгнул на радостях. Дело проще простого: ревнивый парень убил девушку, а потом себя! Кислая мина исчезла, на лице засияла улыбка. Так-то намного лучше.

И как не пытался доказать упрямцу Сан Саныч, что время смерти у Анжелы и Андрея практически совпадает, а значит парень не мог размозжить голову девушке, после прибежать домой и повеситься.

— Что ты мне чешешь, Сан Саныч?! За пятнадцать минут можно всех бомжей Привокзальной разхерачить!

— Ну-ну, — патологоанатом устал спорить.

— Всё, я закрываю дело! Один малолетний наркоман убил другую малолетнюю проститутку! Всё сошлось! А ты не вякай!

— Егорыч, как скажешь, — поднял руки пожилой мужчина, до выхода на пенсию, которого оставалось без малого два месяца.

— Аминь! — выдохнул Панин и с чистой совестью покинул морг.

Вторая жертва

“Тыщ! Тыщ! Тыщ! Тыщ!”. Подобие музыки оглушало Риту на танцполе. Ее бедра как заведенные выделявали пируэты, восьмерки, кульбиты, не зря же полгода назад посетила пару занятий тверком. Надо признать, там было чем крутить. Девушка весьма гордилась выдающимся мягким местом. И пошла в разнос: волосы назад, вперед, присела, раздвинув эротично колени, снова махнула светлой гривой. Рита посмотрела на свое отражение — сегодня она явно в ударе, секс так и прет из всех частей тела. Но почему-то парни вяло реагировали на призыв присоединиться в танце. Первокурсница скользнула взглядом по присутствующим мужчинам, пара-тройка симпатяг были не свободны; “пугало” в темных очках с трудом на ногах стояло, опираясь о барную стойку; компания взрослых мужиков совершенно не интересовалась красавицей.

— Даа, — задумчиво протянула девушка, даже коктейлем сегодня никто не угостит, зря только старалась на танцполе.

Рита села за свободный столик и заказала стакан воды, напиваться в одиночку не хотелось, а денег на хороший алкоголь не было.

“Может не стоило приезжать одной?” — размышляла девушка. Как назло, этим вечером к подруге придет парень, пришлось уступить однокомнатную квартиру. Приехав лишь пару недель назад в город на учебу, она не успела обзавестись знакомствами, поэтому ничего не оставалось, как проводить время в клубе, пока квартира не освободится.

— Девушка, — послышался пьяный голос, — вашей маме зять не нужен?

“Пугало” в очках склонилось над красоткой, дыша в лицо вонючим перегаром.

— Фу! — не выдержала Рита и оттолкнула пьяного прилипалу. — Иди проспись!

— Понял, — молодой человек, пошатываясь удалился, с трудом сохраняя равновесие и преодолевая желание блевануть прямо на пол.

— Короче, — сама себе сказала девушка и достала мобильник.

Время детское — около полуночи. Рита цокнула от недовольства языком: нужно еще час торчать в клубе. Или пусть подруга заканчивает свидание, в самом-то деле, сколько можно?!

Готовая набрать номер и высказать всё, что думает, первокурсница вновь достала мобильный, но задуманное не удалось совершить — помешал незнакомец, который нагло развалился на диванчике напротив.

Вместо приветствия он кивнул и изучающе рассматривал прелести девицы, прикрытые, с позволения сказать, одеждой, больше походившей на лоскутки и тряпочки.

— Хорошо выглядишь, — сделал комплимент незнакомец.

Рита в отместку окинула его быстрым взглядом, мужчина выглядел далеко не идеально: выпуклый живот, пухлые щеки, толстым его не назовешь, скорее в меру упитанным.

— Хочу угостить тебя коктейлем, — он подозвал официанта. — Самбука и “Секс на пляже”.

“Как примитивно”, — подумала Рита, заметив, что ухажер даже не поинтересовался о предпочтениях дамы.

Но напиток оказался вкусным и в меру пьянящим, поэтому после первого бокала девушка потребовала повторить.

Незнакомец тоже не разочаровал, много не болтал, но задавал кучу вопросов, будто

журналист на интервью. После третьего коктейля Рита повеселела и говорила без умолку. Незаметно пролетело время и девушка спохватилась, когда официант напомнил о скором закрытии заведения.

— Вот блин, — на часах без четверти четыре, — мне же на первую пару в восемь.

Вадим, а именно так представился, незнакомец из клуба, предложил вызвать такси.

— Не, ну у меня, вообще, есть машина, просто сейчас выпил, — оправдался Вадим.

— Да мне всё равно есть у тебя машина или нет! Поехали!

У подъезда новый знакомый тоже вышел из такси.

— А ты куда?

— Я думал, может на кофе пригласишь?

Рита бы с радостью его пригласила, но в квартире всего лишь одна жилая комната и та не убрана.

— Слушай, Вадим, давай в следующий раз?

Он немного обиделся, правда виду не подал, попрощался с девушкой, невинно чмокнув в щечку и уехал.

— Блин, — сокрушалась первокурсница вслед уехавшему такси.

И парень вроде неплохой, хотелось продолжить общение.

“Мог бы и к себе пригласить”, — подумала она и пнула дверь незапертой парадной.

На лестничной клетке как всегда полумрак, снова кто-то спер лампочку, лифт в это время, как всегда, не работал.

Хорошо, что квартира на седьмом этаже, а не на последнем — четырнадцатом.

“Да, б*ать, хорошо”, — “согласилась” с доводами запыхавшаяся девушка и стояла минут пять, опираясь о стену, тяжело дыша и восстанавливая нормальное сердцебиение.

— Надо бросать курить, — сказала сама себе Рита и двинулась дальше.

У дешевой, обшитый кожзамом двери, где ключьями лез поролон, она остановилась. Снова выругалась, роясь в сумочке в поисках ключа.

Наконец-то отыскав оный в бесконечном хламе дамской сумки, воткнула ключ в замок и очень удивилась, когда обнаружила дверь не запертой.

— Офигеть, — прошептала девушка и вошла в темную прихожую. “Опять, наверно, нажралась и забыла дверь закрыть”, — предположила Рита, обвиняя подружку в безалаберности и двинулась на ощупь к кровати.

Девушка зябко обняла себя за голые плечи, едва ступила на порог комнаты. С балкона, который, почему-то, открыт нараспашку тянуло ночной осенней сыростью, тусклый свет с улицы проникал в жилище и Рита сразу же заметила пустую кровать подружки. На диване тоже никого, к тому же, он остался неубранным, видимо, после бурной ночи.

— Карина, — громко позвала Рита и включила свет.

Странно — в квартире никого. Девушка подошла к балкону и еще больше удивилась, заметив тапок подружки у железной перекладины.

— А где же второй? — задалась глупым вопросом девушка и непроизвольно посмотрела вниз.

На земле, распластавшись лежала Карина. Ее поза выглядела отвратительно неестественной, как у сломанной куклы. Казалось рука лежала отдельно от туловища, колени согнуты под причудливым углом.

Рита отскочила, ударившись лопатками в деревянную перекладину, ужас парализовал ее и единственное до чего она додумалась — это выскочить на лестничную клетку и разбудить

всех соседей, барабаня неистово в каждую дверь.

Кто сказал маньяк

Городской морг. Четыре пятьдесят два

— Да что вы там сговорились все! Опять в мою смену! — крепко выругался Сан Саныч.

Оперативники развели руками, сами недовольные ранним происшествием. Но тут дело выглядело более менее понятным: суицид.

Сан Саныч прогнал всех из морга и приступил к вскрытию, хотя уже отчетливо понимал, что девушка разбилась насмерть.

Он заметил кое-какие странности, отметил ссадины на запястьях и неопределенного вида раны на шее, всё это тщательно зафиксировал и внес в отчет.

Утром пришел сменщик, молодой любопытный интерн и сунул нос куда не следует, а именно в холодильник, где лежал труп.

Сан Саныч подошел незаметно и сначала подумал нехорошее о студенте, когда тот с интересом рассматривал мертвое женское тело.

— Гм-гм, — прочистил горло патологоанатом и взглядом требовал объяснений.

Интерн вскрикнул от неожиданности, быстренько накрыв простыней труп.

— Фух! — выдохнул он с облегчением, когда обернувшись понял, кто делал “гм-гм”. — Сан Саныч, я чуть не обосрался, вы так больше не делайте.

— Угу, — промычал тот и задвинул тело в холодильник. — Петя, ты случайно не из этих извращенцев?

— В смысле, некрофил?! — Петя негодовал. — Да как вы такое могли подумать?!

— Ну-ну, — Сан Саныч, вообще, мало думал о живых.

— Просто утром слышал новости про вторую жертву маньяка! Вот интересно стало, — оправдался интерн.

— Чего? — в свою очередь возмутился Сан Саныч. — Какой маньяк? Они там подурели все! Кто им сказал такое?

— Не знаю, кто сказал, но весь город на ушах! Интернет взорвался!

Патологоанатом задумался: а что вполне мог быть и маньяк; обе девушки молодые, первую убили — это несомненно, а вот вторая — определить трудно.

Виталий Егорович пыхтел и пыжился в кабинете полковника, всячески пытаясь оправдаться и доказать, что никакого маньяка и в помине не существует.

— Товарищ полковник, ну какой маньяк? Это бред! Кто-то ляпнул не подумав и пожалуйста — город с ума сходит. Первую убил ревнивый любовник, а вторая бухала, наркоманила, курила, следовательно депрессия — следовательно суицид.

Стажер Валюшкина робко подняла руку.

— Говори, — дал добро полковник.

Совсем юное создание терялось в мужском коллективе. Настоящая недотрога, замкнутая и необщительная Валюшкина два слова не могла связать и постоянно тупила.

— Извините, обе девушки перед смертью имели п-п-п-п... — она начала заикаться, не закончив предложение.

На нее уставились насмешливые глаза коллег. Мужчины ну никак не хотели воспринимать всерьез вечно блеющую бессвязную ахинею особу. Что овечка на пастбище среди стаи волков. В общем-то, так ее и прозвали — овечка.

Панин махнул рукой, мол молчала бы пигалица. Полковник задумался, но ненадолго,

всё же доводы лучшего работника отдела выглядели убедительнее, чем “п-п-п” какой-то пигалицы. Да и правда, какой к черту маньяк в их тихом спокойном городке с поэтичным названием Громово? На этом совещание закончилось.

— Виталий Егорович, продолжайте отрабатывать версию суицида. Всем спасибо, все свободны.

Довольный Панин вышел из кабинета и тут же закурил. Осталось лишь вразумить наглых журналист и дело закрыто. Валюшкина переминалась с ноги на ногу, не решалась подойти к начальнику и высказать всё, что думает о его умственных способностях.

— Виталигорыч, — сумбурно пролепетала она.

Мужчина прислушался, будто кто-то звал, а может показалось; он пожал плечами и неспешно затянулся.

— Товарищ капитан, — более внятно обратилась к нему стажерка.

— А? — смерил начальник презрительным взглядом.

— Товарищ капитан, у нас же есть показания подружки покойной: к девушке должен был прийти мужчина, и первая девушка тоже ушла с мужчиной...

— И что? — перебил ее не дослушав Панин.

— Ну как же? Может опросить соседей?

Панин прожигал ее насквозь гневным взглядом, чувствуя как подкатывает волна раздражения. Валюшкина нервно теребила пуговицу на рубашке, стараясь не смотреть капитану в глаза.

— Слушай, — брезгливо поморщился Виталий Егорович, — как там тебя, тебе заняться больше нечем? Я по-моему, тебе утром поручил кражу из супермаркета! Ты нашла бабку воровку?

Стажерка не знала, что ответить, поражаясь абсурдности дела: неужели надо привлечь к уголовной ответственности старушку, не заплатившую за гречку?

— Чего ты выперлась? — продолжал гнобить подчиненную капитан. — Чего ты лезешь? Бе-бе-бе, — передразнил он девушку, — разговаривать связно научись! Лезет она! “П-п-п”! Тройт что ли?!

Валюшкина едва сдерживала слезы, принимала всё сказанное близко к сердцу. Работа в полиции действительно оказалось очень сложной, правду ей говорила мама — это не место для хрупких натур.

— Иди отсюда! — рявкнул Панин, заметив слезы на глазах стажерки.

Девушка понуро опустив голову, исполнила веление и поплелась в рабочий кабинет.

Сплетни про маньяка сходили на нет, перестали шептаться бабки у подъезда, высматривая в каждом подозрительном объекте убийцу молоденьких девочек. К концу недели страсти и вовсе поутихли. Самый яркий рупор правды — блогер Винт и тот умолк, получив “привет” из военкомата.

Панин подушечками пальцев любовно протер свой портрет на доске почета. Он только что сдал отчет и полковник лично пожал ему руку, поблагодарив за хорошую работу.

— Служу на благо народу! — отрапортовал капитан.

— Вот! — указал полковник на него всем присутствующим. — Берите пример с Виталия Егоровича: самый высокий показатель в отделе, раскрываемость почти восемьдесят процентов.

Панин смущенно улыбнулся и лукаво добавил:

— Есть куда стремиться, товарищ полковник! В следующем квартале, обещаю девяносто девять!

— Молодец!

Полковник Брагин искренне восхищался работой капитана, для которого показатель также важнее всего. Важнее правды, фактов, человеческих судеб; высокий процент раскрываемости — это и есть суть работы офицера, на всё остальное можно смело закрыть глаза.

Панина еще раз поздравили коллеги, совещание закончилось и он счастливый поскакал в курилку, где сам того не желая, стал свидетелем весьма любопытного разговора.

Капитан Колмаков прижимал к стене вечно блеющую стажерку.

“Вот это да!” — Виталий Егорович чуть не присел от неожиданности и вовремя юркнул за дверь, он страх как любил подобного рода интрижки; распускал сплетни и тихо посмеивался над коллегами, которые всячески пытались оправдаться.

— Перестань меня преследовать! — бурно прошептал Колмаков.

— Ты вчера был не дома! — Овечка смотрела на него снизу вверх, ни разу не скрывая своих глупых чувств. — Где ты был?

Мужчина отскочил от нее, будто ошпарился.

— Ты больная? Почему я должен перед тобой отчитываться? Ну переспали мы по пьяни, так что теперь? Алёна, хватит! У меня и без того куча проблем, ты еще лезешь с расспросами!

— По пьяни? — изумилась девушка.

Колмаков провел по коротко стриженным волосам, устав от навязчивого отношения коллеги.

— Да, по пьяни! Всё это была ошибка, пойми!

— Ошибка? Ты говорил, что я для тебя особенная, — напомнила ему Алёна.

Панин в углу едва сдерживался, чтобы не прыснуть со смеху, прикусил костяшку пальцев и увлеченно наблюдал.

“Ай да Овечка! Ай да Колмаков!”

Мужчина не знал как еще объяснить приставучей девушке, что между ними всё кончено.

— Не звони мне, не пиши, не ходи следом! Ты поняла?

Она загадочно молчала, затем вlepила Колмакову пощечину. У Панина самого глаза на

лоб полезли, какие страсти!

Стажерка пулей вылетела из курилки, задев своего непосредственного начальника плечом, но даже не обернулась. Панин сделал вид, будто шел мимо и удивленно проводил ненормальную взглядом.

— Чего это она? — ехидно посмеиваясь спросил он у Колмакова.

— Не знаю, — буркнул тот в ответ, подавленный и расстроенный.

— Хаха! — не сдержался Панин и захохотал в голос, хватаясь за живот. — Олег Валентинович, а? Наш пострел везде поспел?! Аха-ха-ха!!!!

Его оглушительный смех разносился эхом по всему отделу, Колмаков злился, готовый заткнуть ему рот грязной пепельницей.

— Пошел на*уй! — мужчина скрипел зубами от злости.

Панин враз умолк.

— Э? Аккуратнее с выражениями, — одернул он беснующегося коллегу.

Колмаков ничего более не ответил, вышел из курилки.

— Пошутить даже нельзя. — Тихо жаловался сам себе капитан, а затем громче добавил: — Ты смотри, какие обидчивые!

Была в этом городе странная особенность: жизнь по ночам никогда не прекращалась, многие бродили по темным улицам страдая от бессонницы или прятались от одиночества в ночных клубах, местные алкоголики, бездомные — все про всех всё знали, но никогда ничего не видели. Поэтому, когда в парке около полуночи нашли тело молодой девушки, горожане лишь разводили руками, не имея малейшего понятия, откуда она там взялась.

Сан Саныч дожевал свой скудный ужин и мостился на продавленном диване, когда в морг вкатили завернутый в черный целлофан труп. Он ошарашенно взглянул на часы: почти час ночи. Раскрыл мешок и обомлел — еще одна молодая особа. Оперативники тоже заметно нервничали, всё это похоже на серию, а значит в городе, действительно, орудует маньяк.

Судмедэксперт молча приступил к работе.

Совсем девочка на вид, сжимала в руке горсть земли и траву, возможно ползла или перед смертью мучилась от боли. Причина смерти вскоре стала ясна — удушение, на еще теплой коже проступил черный след от гибкого тонкого предмета, по всей вероятности удавки. Там же на шее две небольшие раны, похожие на укусы. Сан Саныч сделал снимок, сравнил с предыдущим снимком и опустил руки. Неприятности явственно ощущались повсюду, стучали во все окна и двери. Здесь уже хитрый Панин не выкрутится, потянет за собой всех на дно. Не надо было его слушаться, теперь им всем...

— Пи*дец, — прошептал Сан Саныч, понимая, что за предыдущие ошибки дороги спросят с них.

В пух и перья. Часть первая

Генерал не стеснялся в выражениях, называя весь отдел идиотами, поставил неутешительный диагноз полковнику — слабоумие, обозвав того имбецилом. Капитана, ведшего два предыдущих дела, и вовсе оплевал, выкрикивая всевозможные ругательства.

— Только идиот не мог заметить серию! Настоящий дол***б! Каждый из вас г*мно на палочке! Вы хотя бы представляете, что я выслушал утром? Москва уже сюда едет, разгребать ваше дерьмо! Вы все конченные маразматиками, я за вас больше не отвечаю! Приедет спецгруппа, начнут копать и вылезет наружу всё! Я ваши ж*пы прикрывать не буду! Довольно! Дебилы, идиоты!

И еще много чего говорил генерал, под конец выдохся, весь мокрый и красный откинулся на спинку кресла.

Брагин рассматривал руки под столом, Панин сопел и кривился, но никто не смел поднять глаз.

— Фух! — генерал успокоился. — Завтра приедет спецгруппа из Москвы, непростые ребята. Ваша задача встретить их, разместить в гостинице, всячески помогать и проявить себя с самой лучшей стороны. Хотя я не знаю, как теперь отмыться после такого позора?

Словно провинившиеся школьники, все молчали и понуро кивали головой.

— Идите, — махнул генерал, не желая больше видеть недалеких подчиненных.

Сотрудники громовского райотдела полиции не ждали ничего хорошего от приезда группы из Москвы. Панин морщился, воротил носом: на вокзале воняло бомжами, мочой и еще не пойми чем или кем, тем не менее романтика — конец сентября, золотые листочки, влажная дымка и синее небо.

— Фу, бля! — капитан смачно харкнул прямо на грязный пол.

Поезд, по неизвестным причинам, задерживался на целый час, поэтому капитан всё больше и больше раздражался. Впрочем, не он один.

Колмаков курил одну за одной и неотрывно пялился в экран смартфона, строчил кому-то сообщения, нервирую бесконечным сигналом уведомлений.

— Олежа, не доводи до греха! — не выдержал Виталий Егорович. — Отключи, к еб*ням собачьим, свою пицалку!

Олег на долю секунды оторвал глаза от гаджета, промолчал, но похоже звук всё-таки выключил.

Вокзальный динамик затрещал, хриплым женским голосом, неразборчиво объявили о прибытии. Что именно сказала работница вокзала никто не понял, мужчины засуетились, стали выглядывать в окна.

— Нихрена не понятно! — выругался Панин и пошел к перрону, махнув рукой остальным.

Наконец-то к станции “Громово” прибыл долгожданный проходящий поезд “Москва — Владивосток”. Мало кто выходил, а вот желающих уехать подальше было много. Мужчины, женщины, семьи стремились поскорее занять свои места и покинуть затхлый городишко, наивно полагая, что где-то там, за тридевять земель их ждет счастье.

Из купейного вагона вышла компания, разительно отличавшаяся от местного контингента. Немолодой мужчина, на вид самый старший из группы, с любопытством осмотрелся. Второй — подтянутый, весь в черном, с едким пронзительным взглядом,

иронично улыбнулся, наблюдая пейзаж захолустья. Третий член группы, ко всеобщему удивлению громовцев, оказалась высокая дама. И как позже, выражение ее лица охарактеризовал Панин: “морда просит кирпича”.

Сотрудники сразу же узнали москвичей, все дружно представились, пожали руки и местные предложили отвезти прибывших в гостиницу.

— Ну, а работа не волк, в лес не убежит, — заметил весельчак Панин.

На что старшая группы, полковник СК Астахова, страшно нахмурилась и отвергла предложение колким замечанием:

— Да, работа, действительно, не волк. Как и серийный убийца.

Капитан побледнел и обиженно поджал губы.

“Значит любви не будет”, — с горечью подумал главный весельчак и последовал за чужаками к служебному авто.

В пух и перья. Часть вторая

— Ну в общем-то, вот так вот всё и было, — подвел итог Сан Саныч своему бессвязному объяснению: почему тело третьей жертвы поспешно выдали родителям.

Лариса Георгиевна Астахова брезгливо поджала губы, руководитель спецгруппы битый час пыталась выяснить результаты вскрытия и совсем опешила, когда оказалось, что убитая скоро упокоится на городском кладбище.

— Александр Александрович, давайте еще раз, четко и внятно? Кто дал разрешение на захоронение? — требовательный тон резал слух звонче металла.

И низкорослый судмедэксперт невольно поежился и сжался под колким взглядом властной начальницы, став еще меньше.

— Дак это же, дак так... — бедный старик искал поддержки в равнодушном приятеле Панине, который сам же вчера и позволил родителям усопшей забрать свою покойную дочь.

Этот искусный лжец, настоящий ловкач убедил его, без пяти минут пенсионера в том, что без тела будет лучше.

“А не дай боже, они повторно вскроют труп и выясниться, что ты облажался, чего-то не доглядел? И что ты будешь делать, как докажешь, что честно выполнял свою работу. Саныч, да тебя посадят! Генерал всех собак на тебя повесит! Давай по-тихому, пока москвичи не приехали, подписывай разрешение и разойдемся, а я тебя прикрою если что”.

И Сан Саныч, растерянный и напуганный, подписал.

Все трое из спецгруппы подозрительно уставились на старика, вот и наступило “если что”, только Панин и не думал впрягаться, делал вид, будто вовсе не понимает, что происходит.

— Даа, — протянула недовольно Астахова, так и не дождавшись вразумительных объяснений.

В этом городе явно творилось черти что, едва она ступила на перрон, ее словно неведомой силой перебросило в параллельную вселенную, где вроде живут такие же люди, современные и образованные, но их законы и порядки не поддаются человеческой логике.

Уже около десяти вечера Астахова со своими сотрудниками все же сдалась и позволила отвезти себя в гостиницу.

Москвичам выделили лучшие номера, но тем не менее младший из группы — видный красавец, спортсмен и просто обаяшка капитан Дорошев Максим был чем-то недоволен. Привыкший к столичной жизни и заграничным курортам, его не впечатлили бордовые обои и дешевый сатин, к тому же лейка в душе плохо работала. И как не пытался Максим Андреевич ее починить, а именно использовать старинный русский метод — постучать три раза о пол, увы, ничего не помогало.

Он вышел в фойе, к дежурной администраторше, симпатичной женщине бальзаковского возраста, практически в чем мать родила, прикрывая причинное место одним лишь полотенцем.

— Извините, нельзя заменить эту шгуку? — указал Максим на раскуроченную лейку.

Администратор Елена неохотно отвлеклась от занятой книги, медленно подняла свои сонные глаза и застыла с немым выражением, ее взгляд так замер где-то в районе пупка атлетически сложенного красавца. Конечно же Дорошев не обделен женским вниманием и

довольно часто производил на дам эффект античного бога сошедшего с небес. Но в этот раз сам себя переплюнул.

Давно замужняя мать двоих детей окаменела, пораженная красотой идеального мужского тела. Эти мощные плечи, сильные руки, словно вылитая из бронзы грудь, где красовалось интересное тату, рифленый торс и так неприлично выделяющиеся косые мышцы.

Мама мия! Администратор Елена неловко подпрыгнула на стуле и в полном смущении принялась что-то искать на столе, хаотично разбрасывая предметы.

— Извините, — “Аполлон” наклонился ближе, уперев ладонь о стойку.

Женщина продолжала изображать активную деятельность и упорно игнорировала красавца.

Тогда Максим наклонился еще ближе и постучал о столешницу.

— Тук-тук, — громко произнес он и прочитал имя на бейдже. — Елена, я бы хотел принять душ. Скажите, у вас в гостинице предусмотрена такая услуга?

— Что? — Лене показалось будто мужчина говорит на китайском.

— Говорю, сантехника вызовите.

— А что случилось? — женщина начинала привыкать к неземной красоте гостя и способность думать медленно, но возвращалась.

Максим тяжело вздохнул, похоже командировка будет долгой. Ну а чего еще ожидать от захолустья?

— Душ не работает, — показал он вновь слегка покрытый ржавчиной металлический предмет.

— Ах, вот оно что! — Елена готова была красавцу звезду с неба достать, не то что какого-то там сантехника вызвать. — Сию минуту!

Она проскакала на цыпочках к двери с надписью служебное помещение, не отворачиваясь и глупо улыбаясь.

Капитан Дорошев тоже в ответ улыбнулся и отправился в номер, всё-таки не май месяц, чтобы расхаживать полуголым в плохо отапливаемой гостинице.

Полковнику Астаховой не спалось. Лариса то и дело ворочалась, взбивала подушку, несколько раз ходила в туалет, в конце концов отбросила одеяло, накинула халат и постучала своему давнему другу, а теперь и по совместительству коллеге — майору СК Перегудову Мише.

— Не разбудила? — спросила она сонного сотрудника.

Михаил взъерошил и без того взлохмаченную седую шевелюру, провел ладонью по лицу, прекрасно понимая, что Астахову мало волнует — разбудила или нет. Раз пришла, значит не просто так.

— Проходи, — прохрипел он сонно, приглашая женщину войти.

Лариса разместилась в кресле одноместного номера и поделилась своими переживаниями с опытной коллегой.

— Не нравится мне здесь.

Перегудов вынужден был согласиться, место не из приятных.

— Чувствую застряли мы надолго, — продолжила Лариса, массируя при этом виски. — Эти идиоты захоронили тела девушек, теперь начнется волокита с разрешением на эксгумацию.

— Надо Юдину сообщить, он ускорит процесс.

Астахова согласно кивнула, министр всегда шел на уступки, на него можно положиться.

— А третья жертва совсем ребёнок.

Михаил едва заметно кивнул, поджав пальцами подбородок.

— А эти бестолочи не взяли биоматериал для анализа.

— Даа, — мужчина тяжело вздохнул.

— А этот капитан Панин! Чистой воды интриган, уверена, это его рук дело.

— Да, Лара, нам предстоит горы свернуть, чтобы докопаться до истины, — заметил майор.

— Ладно, завтра в шесть поедem к родителям убитой школьницы, попробуем раздобыть материал.

— Не очень хорошая идея, — задумчиво ответил Михаил. — Всё-таки завтра похорон.

— Вот именно! Может-быть еще успеем!

Похороны Насти

Сразу было ясно — москвичам здесь не рады. Родители девочки горько рыдали, убивались, мать так и вовсе пугала своим нестабильным психическим состоянием: она могла пять минут истерично вопить, столько же отрешенно молчать, и совсем озадачила всех, когда внезапно запела “Расцвела под окошком белоснежная вишня”.... Ее поспешно вывели из квартиры, где проходило прощание с усопшей.

Лариса и Михаил растерянно переглядывались, кажется впервые полковник Астахова дала маху, не надо было ехать в такой день и пытаться допросить родителей. К тому же ее просьба осмотреть тело, буквально, повергла всех присутствующих в шок. Дядя покойной едва не взорвался и не вышвырнул незваных гостей за шкуру. Опытные следователи жались в уголке, все же не сдавались и ждали подходящего момента.

Лариса Георгиевна запоминала лица присутствующих, пыталась определить кто искренне скорбит, а кто делает вид. Но абсолютно все выглядели удрученно, смерть школьницы затронула каждого.

В спертom воздухе ощущалось тягучее присутствие горя, отовсюду слышались всхлипы, причитания, сетования на несправедливость. Перегудов не выдержал, ему срочно требовался глоток свежего воздуха и доза никотина:

— Я сейчас, — коротко бросил он коллеге и выскочил на лестничную клетку.

Тут же и столкнулся с чем-то плотным и черным. Тучный, абразивного вида батюшка, мучился одышкой. Он поправил съехавшую епитрахиль, благословил невнимательного путника, ознаменовав того на прощание крестным знамением.

Михаил буркнул “извините” и быстро удалился, пропуская ступени. Он подумал, что вовремя ушел, все похоронные церемонии ужасно действовали на нервы, и без того расшатанные.

Майор сел на лавку возле подъезда и наконец-то закурил. Рядом крутился мальчонка лет десяти, со скучающим видом пинал носком ботинка невидимый мяч, заметив незнакомого мужчину, приблизился.

— А вы из Москвы?

Перегудова нисколько не удивила растущая с каждым днем молва, наверное уже каждая бродячая собака знала о них.

— Из Москвы, — Михаил любил детей, хотя самому так и не пришлось испытать радости отцовства, поэтому его не раздражало излишнее любопытство ребенка.

Мальчонка сел рядом, заболтал ногами и с интересом посматривал на чужака.

— Тебя как звать? — с улыбкой спросил майор.

— Сашка. А вас как?

— Михаил.

— А вы уже поймали маньяка?

— Нет, но скоро поймаем, — мужчина проникся симпатией к общительному мальчику.

— А у меня завтра День рождения! — немного подумав, похвастался Сашка.

— Ого, надо же! И сколько тебе исполниться?

— Да десять уже, — сказал будущий именинник.

— Кем станешь, когда вырастешь?

Саша пожал хлипкими плечиками, школьник пока еще не решил.

— Не знаю, может как папка?

Перегудов хотел было поинтересоваться профессией отца, но не успел. Из парадной донеслись звуки потасовки. Майор вскочил и мигом подлетел к двери, которая резко распахнулась, отбившись о стену.

Астахову едва ли не вытолкали из подъезда местные мужики.

— Пошла вон! — кричал разъяренный отец с лестничной клетки, удерживаемый братом, батюшкой и еще кучей родни.

— Это немисливо! — только и смогла сказать полковница.

До глубины души оскорбленная, все же держала лицо, стараясь выглядеть невозмутимой, она молча направилась к машине, Михаил тут же последовал за ней, заметив как Сашка бросился к беснующейся толпе, где его отец всё никак не мог успокоиться.

— Я просто хотела взять образцы из под ногтей, — оправдывалась по дороге полковница. — А они набросились на меня как дикари!

С ужасом вспоминала она недавний инцидент: пока батюшка старательно святил воду всем желающим, Астахова подошла к гробу и взяла за руку мертвую девушку, ногти покойницы выглядели чистыми, ухоженными. Лариса Георгиевна осторожно достала из сумочки необходимые инструменты и пакетик, наклонилась ближе, чтобы соскрести из под ногтей материал для анализа, когда услышала за спиной недовольное: “Вы что себе позволяете?”.

Тут же сбежались все остальные участники процессии, батюшка сурово нахмурил густые брови, а отец Насти вскипел от негодования, вот-вот пар пойдет из ушей. Он налетел, словно разъяренный коршун на полковницу СК и толчками выпроводил за дверь, но и на этом злоключения Астаховой не закончились.

— Нет, ты представляешь?! Крестная покойной облила меня святой водой! Это уму непостижимо, до чего дикий народ!

— Успокойся, Лара, ничего страшного, — Перегудов как мог поддерживал коллегу.

— Пиз*ец, — не удержалась интеллигентная до мозга костей женщина.

И как не пыталась полковница донести до оскорбленных ее поступком людей, что сотрудничать со следствием крайне важно, ведь убийца до сих пор на свободе, — увы, без толку. Откуда же было знать столичной следовательнице, что с родителями перед похоронами неплохо поработал капитан Панин, настроив тех против сующих свой нос, куда не надо москвичей.

Запрещенный приём

Ни свет ни заря Виталий Егорович уже был на рабочем месте, бедняга не сомкнул ночью глаз, всё думал, как выкрутиться из столь некрасивой ситуации. Под глазами капитана залегли тени, а пухлое лицо еще больше раздуло от переживаний.

Но он не собирался сдаваться без боя и с нетерпением выжидал в дежурной стажерку Валюшкину. У Панина к ней было особое поручение.

Девушка зашла в отделение полиции как обычно — без двадцати восемь. Не успела она отметить в журнале, капитан схватил ее под руку и увел подальше от любопытных глаз и ушей.

— У меня для тебя важное задание, стажёр, — негромко сказал он.

Валюшкина настороженно слушала.

— С сегодняшнего дня помогаешь москвичам. Мне надо чтобы ты вошла к ним в доверие и потом докладывала о всех их планах.

Девушка оторопело уставилась на интригана.

— Извините, Виталий Егорович, — тихо ответила она, — но я не буду шпионить.

Опять Панин почувствовал накатывающее волной раздражение.

— Да ну почему сразу шпионить, деточка? — вдруг весело спросил он. — Не шпионить, а помогать своему отделу полиции избавиться от москвичей.

— Нет, — стажерка не могла согласиться, во-первых: крысятничать ниже ее достоинства; а во-вторых — это опасно.

Панин побагровел от злости, но тем не менее продолжал говорить с улыбкой.

— Детка, а ты когда к нам в отдел пришла, статут внимательно читала? Тебе пункт “моральные устои” ни о чем не говорит?

Валюшкина понятия не имела о чем толкует начальник, куда клонит.

— Ну чего глазёнки выгаращила, а? Луп-луп, — передразнил он девушку, моргнув несколько раз. — Когда с капитаном Колмаковым кувыркалась о статуте, наверное и не вспоминала, да?

Пришла очередь стажерки краснеть, она потупила глаза в пол и не могла совладать со стыдом, который окрасил в пунцовый не только щеки, но и уши.

— Ая-яй, — отчитал ее словно школьницу капитан, — это же какое пятно на репутацию. А тебе здесь еще работать и работать. Так что решай, стажер.

Но Валюшкина так и не решила, в коридоре послышались гулкие шаги, кто-то поднимался по лестнице.

Панин осторожно выглянул и расплылся в лицемерной улыбке. Максим легко перескакивал ступени и заметив капитана кивнул в приветствии. Он хотел пройти мимо, а не тут-то было.

— Доброе утро, как настроение? — поинтересовался капитан, загородив своей тушей проход.

— Спасибо, прекрасное, — слукавил Дорошев.

Спалось ему плохо, ко всему прочему по дороге он не нашел ни одной приличной кофейни. Утро без моккачино с двойной дозой кофеина не могло быть добрым.

— А я вам помощника нашел! — Виталий Егорович обернулся, чтобы представить стажёрку, но той и след простыл.

Девушка обладала уникальной способностью исчезать незаметно.

— Вы знаете, мне помощник не нужен. Мы и сами неплохо справляемся, — отверг предложение Панина Максим и попытался пройти мимо.

— Ну как же не надо?! — воскликнул Виталик. — Еще как надо! Потом мне еще спасибо скажите! Это стажер, у нас тут их много, всё равно без дела болтаются, а то хотя бы какая-то польза будет. Принести, подать, как говорится, ксерокопию какую сделать. А ксерокс у нас работает только на первом этаже! В архив сгонять — это на соседней улице. Так что вам помощник просто необходим!

Молодой следователь задумался, в словах капитана присутствовал смысл.

— Ну хорошо, — нехотя, но всё же согласился он.

— Отлично, — обрадовался Панин. — Вы кофе предпочитаете или чай?

— Пожалуй, от крепкого кофе не откажусь, — теперь капитан казался Максиму не таким уж безнадежно потерянным.

Виталик раболепно прошаркал по коридору, пропуская вперед московского гостя, а сам побежал искать запропастившуюся не пойми куда Валюшкину.

Он заглядывал во все кабинеты, бормоча недовольно: “где же эта убогая?”

В курилке спросил у сотрудников:

— Овечку не видели?

— Неее, — ответил веселый опер, изображая бляение.

— Ага-га! — загоготал Панин, оценив шутку. — Дурачье!

К его же удивлению, Овечка оказалась на своем рабочем месте.

— Вот ты где! — снова укоряюще произнес капитан. — А я тебя по всему отделу ищу!

Валюшкина обреченно вздохнула и отложила бумаги.

— Давай, вставай! Я договорился! Вставай-вставай! — настойчиво повторил капитан, стажерка не спешила подниматься.

Не хотелось, наверное, прослыть в отделе распутницей, о ней и так коллеги нелестного мнения, поэтому всё же подчинилась.

— Давай, живее, — Панина раздражала ее медлительность, он схватил ее под локоть и поволок за собой.

Валюшкина слабо сопротивлялась, недовольно зыря в сторону хама.

— Ну что ты всё время как муха сонная! Поживее надо, стажер! Так, гляди, женихов всех разберут, пока ты пошевелишься! Я же о тебе забочусь! Шанс тебе даю, прояви себя перед москвичами. А этот красавец какой молодой — капитанчик! Про своего Колмакова мигом забудешь!

В мгновенье ока со стажеркой произошла странная метаморфоза, мышцы ее одеревенели, лицо исказила ненависть. Панин присел от неожиданности и инстинктивно подался назад, чувствуя, что перешел все границы; еще одно слово и девчонка накинется с кулаками. Мгновение пролетело и стажерка снова стала прежней, безропотной овечкой, потупила глаза в пол.

— Эх ты! — к Виталику вернулась уверенность. — Тоже мне, бедная овечка. Иди, давай.

Перед тем как зайти в кабинет, который предоставили москвичам, капитан завел подчиненную в столовую и всучил электрочайник, три чашки, упаковку кофе и коробку рафинированного сахара. Довольный потер ладошки и знаком велел девушке следовать за ним.

— Вот! — указал он Максиму на Валюшкину, с трудом удерживающую предметы.

Еще минута и пирамида из чайника, сахара, кофе и чашек рассыпется.

— Стажер! — представил ее Панин.

Пирамида всё же рухнула, Дорошев среагировал молниеносно, успев поймать керамические чашки и чайник, а вот все остальное упало на пол и рассыпалось.

Виталий Егорович всплеснул недовольно руками:

— Вот же... растяпа! — из уст любителя сквернословить это звучало почти как комплимент.

Валюшкина растерянно присела на корточки и принялась сгребать руками кофе.

— Не беспокойтесь, — попытался остановить ее Максим и засуетился в поисках инвентаря для уборки.

Довольный Панин, руки в боки, тихо посмеивался, наблюдая неловкую сцену.

— Ну, оставлю вас, — загадочно подмигнул он и добавил у двери. — Вы с ней поостроже, так она девка смышленная. Кстати, именно стажер помогала в расследовании убийства на вокзале.

Виталик вышел в коридор и довольно потер ладошки — дело в шляпе.

Молодые люди закончили наводить порядок, видимо не судьба сегодня взбодриться чашечкой кофе.

— Максим, — протянул руку мужчина.

— Алена, — по простому ответила девушка и впервые за долгие месяцы улыбнулась.

Спасите наши туши

Алёне по жизни не везло, в школе одноклассники порой жестоко издевались над тихоней, она терпела. На выпускном все ребята дружно бойкотировали ее присутствие, будто и не было вовсе. Алёна и это пережила. В институте тоже не заладилось, одногруппники поначалу пытались подружиться с затворницей, вскоре оставили попытки, предпочитая не замечать. Правда, преподаватели любили тихую, ответственную и смышленную студентку Валюшкину за то, что удобная. Пять лет она штудировала юриспруденцию, закончив юрфак с красным дипломом.

А ведь Алёна была далеко не дура, могла бы построить успешную карьеру на адвокатском поприще, как и хотела изначально. Но вернулась в родной город и отправилась на стажировку в полицию. Зачем она это сделала, почему? Сама не знала. Может-быть поняла, что адвокат из нее выйдет никакой, а так хотя бы по специальности начнет работать.

Но и здесь отчего-то Алену невзлюбили. Панин откровенно говоря, терпеть не мог коллеги либо не замечали, либо насмехались. И лишь оперуполномоченный капитан Олег Колмаков сумел разглядеть в серой мышке молодую привлекательную особу.

Два месяца назад праздновали чье-то День рождения, начали еще в кабинете Панина, продолжили в ресторане, а закончили в квартире Колмакова.

Утром он проснулся и обнаружил рядом обнаженное девичье тело, приподнял спутанные мышиноного цвета волосы и очумел, узнав новенькую стажерку, неуклюжую, невзрачную девицу, не умеющую два слова связать, зато способную отлично справляться с отчетами.

Это, конечно, фатальная проблема Олега — непреодолимая тяга к слабому полу. Причем не важно с кем и где, главное чтобы женщина. Не раз он зарекался бросить пить и не тащить первую встречную в койку, но сила воли не та.

Подруга проснулась в не себя от счастья, вчера ей впервые признались в любви и даже кое-кто обещал жениться. Она смущенно натянула простынь до подбородка и уставилась на возлюбленного кротко и еле дыша.

— Ты это, короче, — растерялся казанова, — кофе будешь?

Ему как-то и жаль было закомплексованную стажерку, и обидеть не хотелось, поэтому Олег решил спустить ситуацию на нет, впрочем, как всегда.

Алена всё утро молчала и не сводила влюбленных глаз с капитана. Еще чуть-чуть и дыру протрет на его красивом мужественном лице. Колмакову это начинало надоедать: пьет кофе и пялится, при этом глупо улыбаясь; одевается и смотрит; в лифте, в машине, по дороге глаз не сводит.

В коридоре райотдела он все же не выдержал:

— Аленушка, пожалуйста, прекрати на меня так странно смотреть.

Трудно передать словами, что испытала в эту минуту влюбленная девушка, чье имя никогда и никто не мог запомнить.

— Хорошо, Олег, — кивнула глупышка, улыбнулась на прощание и заняла свое рабочее место.

Спецгруппа из Москвы разместилась за столом в кабинете дознавателя Птушкина, самого же Птушкина переселили на первый этаж, где он успешно затерялся среди дежурной,

допросной и вечно неработающих туалетов.

Ни Астахова, ни Перегудов, ни Дорошев не сдвинулись в деле громовского серийного убийцы ни на йоту, они продолжали охреневать, а другого слова нету, потому как все материалы дела, улики и прочее кто-то залил сладким кофе, потом видимо сушил феном, затем подтасовал, перепутал и в итоге получилось черти что, осталось только бантик прицепить, ну чтобы красивее было.

В углу застывшей мумий сидела стажерка, все трое настолько привыкли к ее немому присутствию, что уже внимания не обращали, говорили при ней не стесняясь. Иногда Перегудов посматривал на нее исподтишка, чем вгонял в краску и ступор. Астахова и вовсе не трогала убогую, один лишь Максим контактировал с ней, периодически обращаясь с просьбами что-нибудь отксерить или сделать кофе. Но просил он всегда исключительно вежливо, будто хорошего друга об одолжении.

— Аленка, — обратился Дорошев к стажёрке, — а не выпить ли нам кофейку.

— Да, конечно, Максим Леонидович!

Она мигом вскакивала и готовила всем кофе, кроме себя.

Панин неделю не выходил из запоя, брал специально для этого отпуск и сидел на даче отшельником, бухал с утра до ночи, пока жена не приехала и не отметелила хорошенько. С женой Виталику повезло — Зинаида огонь, а не баба, но вот рука тяжелая. Теперь избитый муж старался замаскировать фингал под глазом с помощью косметики, но так как он в женских премудростях не разбирался, подходящий тон подобрать не сумел.

— Здоров, Олежек! — поприветствовал друга, войдя без стука в кабинет.

Колмаков оторвался от смартфона и удивленно уставился на пятнистый лик коллеги.

— Виталь, а чё у тебя с харей?

— А! — махнул рукой Панин. — Язва!

Олег не совсем понял, вроде как прободная язва — это болезнь желудка, а не кожи.

— На морде язва? — все же уточнил Колмаков.

— Морда — у тебя, а у меня избитое жизнью лицо!!! — поставил Панин на место коллегу-хама.

— Ага, жизнью, — ехидно усмехнулся мужчина. — Зинаида приложилась?

— Я ж тебе и говорю — язва! — эмоционально пояснил Виталий Егорович.

Колмаков понимающе рассмеялся, хотя совсем не искренне. Ему закоренелому холостяку было невдомек — как можно добровольно нацепить на себя брачные кандалы. Это каким дебилом надо быть, чтобы по своей воле жениться, настрогать детей и до конца своих дней хранить верность одной единственной женщине.

— Слышь, Олежа, — вполголоса заговорил Панин, наклонившись ближе, — ну что тут эти москвичи?

— Не знаю, — тоже тихо ответил Олег, — никто не знает.

— Сейчас узнаем! — весело объявил капитан и загадочно подмигнул.

Он отправил сообщение “Зайди в кабинет Колмакова! Срочно!” контакту “Овечка”, придерживая разбухшее пузо и довольный развалился на стуле.

Девушка явилась спустя пару минут и подозрительно посматривала в сторону Колмакова.

— Рассказывай, что москвичи задумали? — с ходу спросил Панин, пренебрегая излишними церемониями.

Олег игнорировал присутствие стажерки, уставился снова в экран смартфона.

— Разрешение на эксгумацию готовят, — проблеяла Овечка и зыркнула на притихшего Колмакова.

— Во ё*нутые, — эта новость ошарашила Панина, он до последнего надеялся, что до эксгумации дело не дойдет. — И что они?

— Ждут письмо от министра, потом вызовут родителей убитых.

— Ага! — воскликнул Виталик. — Значит родители тоже должны дать добро?

— Наверное, — неуверенно ответила Валюшкина, продолжая буравить взглядом Олега.

— Да какого хрена ты на меня так смотришь?! — не выдержал мужчина и разорался.

— Тихо-тихо, — успокоил его Панин, удивленный такой реакцией, — ты чего кричишь?

Валюшкина быстро выскочила из кабинета на прощание еще раз странно глянув на Колмакова. Тот едва сдержался, чтобы не запустить в нее смартфоном, подпрыгнул на стуле и злобно заскрежетал зубами.

— Оо! — протянул многозначно Виталий Егорович. — Да у нас тут мексиканские страсти продолжаются! Хе-хе! — прочистив горло, таинственно добавил: — Ты поаккуратней с ней, какая-то она чудаковатая.

— Без твоих соплей разберусь! — снова вспыхнул Олег, швырнув мобильник на стол.

— Да мне, вообще, всё равно, — равнодушно заметил Панин.

— Чего лезешь тогда со своими советами? — не унимался мужчина.

Виталик молча выставил руки перед собой, давая понять, что сдастся и в душу Колмакова лезть не будет. Тот вскоре успокоился и они оба пошли курить, ну а чем еще можно заниматься в разгар рабочего дня.

Прирожденная жертва

— Коллеги, давайте составим психологический портрет убийцы, — предложила Астахова.

Перегудов свел брови к переносице и отдаленно напомнил Чубакку из Звездных войн, чересчур лохматый и суровый, Дорошев поймал на себе его звериный взгляд и моментально прекратил смущать стажерку лучезарной улыбкой. Максим выровнял спину и серьезно заметил:

— Лариса Георгиевна, можно я начну?

— Конечно, Максим Леонидович, любопытно послушать.

— Значит, убийца молодой мужчина, приблизительно до сорока, проблем с потенцией у него, думаю, других физиологических отклонений тоже нет.

— То есть, он довольно привлекательный и физически здоровый? — уточнила полковница, имея схожее представление об убийце.

— Думаю, что да. Первые две жертвы пошли с ним добровольно; третья, возможно, но потом что-то пошло не так. Могу сделать такие выводы исходя из свидетельских показаний, кои отсутствуют, потому что ни одна из жертв не сопротивлялась, следовательно — криков не было.

— И как же нам вычислить этого казанову?

— Надо все же провести эксгумацию, у первых двух жертв был половой контакт, предполагаемо с убийцей.

— Вот эта третья жертва, школьница Анастасия и не дает мне покоя, — задумчиво произнесла Астахова.

Действительно, девушку никто не насиловал перед смертью, мало того, она была девственницей.

— Возможно, убийца не успел совершить задуманное, кто-то помешал ему, — предположил Дорошев.

— Возможно, — согласилась начальница. — Давайте рассмотрим ситуацию под другим углом, а именно глазами убийцы.

В углу закопошилась стажерка, стараясь не дышать, девушка беззвучно что-то печатала, как у нее выходило бить по клавиатуре и не издавать ни звука — загадка.

— Первые две жертвы между собой схожи, не только внешне, но и характером. Обе вели разгульный образ жизни, злоупотребляли алкогольными напитками, меняли партнеров, как перчатки, одевались вызывающе, одним словом привлекали мужское внимание. А теперь взгляните на третью жертву.

Лариса Георгиевна разместила посередине стола портрет Анастасии, девушка скромно улыбалась фотографу, зажатая, скованная, даже на фото, в невзрачной тусклой одежде. Весь ее образ говорил о том, что она боялась быть замеченной и держалась в тени. Собственно, характеристика из школы соответствовала портрету убитой.

— Прирожденная жертва, — вдруг сказал Перегудов.

— Что? — Дорошев не понял.

— Есть такой тип людей — природенные жертвы, — пояснил капитан. — В школе их травят одноклассники, супруг или супруга обычно тиранят, на работе их не ценят.

— А я думал, она случайная жертва.

— Да, больше похоже на то, что убийца ее выбрал случайно, — предположила Астахова. — В тот вечер Анастасии крайне не повезло и только.

Это сушая правда — если бы автобус в тот вечер не угодил в небольшое ДТП, Настя спокойно бы вернулась домой после занятий с репетитором. К сожалению, школьница совершила роковую ошибку, выбрав короткий путь к дому через парк.

— Я, вообще, не понимаю, по каким критериям он выбирает жертв?

— Да, действительно, в его поступках никакой логики. По крайней мере на прошлой неделе он никого не убил.

— Это потому что он очень осторожный и осведомлен о нашем приезде. Собственно говоря, как и весь город, — не удержался и сделал ремарку суровый Перегудов.

Спецгруппа из Москвы хотя бы в этом была права, во всем остальном они шли по ложному следу, совершенно в противоположную сторону.

Стажерка Валюшкина тяжело вздохнула, никто не обратил на ее печальный вздох внимания. А спроси сейчас у нее — кто убийца? И, наверное, она бы призналась, правда никто не спрашивал.

Сырой сентябрьский вечер пробирал промозглым свежим воздухом до костей. Максим вышел из здания полиции и поежился от холода, он не спеша натянул кожаные перчатки, задрал голову и еще раз посмотрел на окна кабинета, где всё ещё горел свет. Астахова и Перегудов не спешили домой, обладая обширным багажом знаний по психологии они продолжали составлять портрет преступника. Дорошеву пока далеко до их профессионализма, он лишь путался под ногами и скучающе зевал. В конце концов Лариса Георгиевна не выдержала и отпустила уставшего следователя домой.

За его спиной скрипнула железная дверь, стажерка Валюшкина так же спешила домой.

— Алена, вас подвезти? — спросил улыбаясь Максим.

Она потупила глаза и пробормотала что-то невнятное.

— Давайте хотя бы до остановки вас доведу? — Дорошев всегда был галантен с дамами и предложил девушке взять его под руку.

Алена смущенно улыбнулась.

— Хорошо, — согласилась она и неловко спрятала руки в карманы.

Дверь снова заскрипела, Колмаков остановился на ступенях, достал сигарету и заметив удаляющихся вдалеке коллег, застыл с сигаретой в зубах.

— Могу я кое-что спросить? — по дороге задала вопрос Валюшкина.

— Конечно.

— Как думаете, убийца мог убивать из-за мести?

— Вымещать злобу на других женщинах, это вы имеете в виду?

— Ну, можно сказать и так, — девушка не смела взглянуть на молодого мужчину, смотрела под ноги, будто боялась споткнуться на ровном месте.

— Ненависть к женскому полу вполне могла послужить мотивом. А почему вы спрашиваете?

— Просто, забудьте, — вдруг испугалась стажерка.

— Алена, — Максим остановил ее, — вам что-то известно?

Ему сразу показалось подозрительным поведение стажерки, а теперь еще и странный вопрос, она явно что-то знала, но боялась.

— Нет, — соврала Валюшкина, не поднимая глаз.

— Вы кого-то подозреваете?

Девушка неловко потопталась на месте, быстро взглянула в сторону полицейского участка и неестественно побледнела. Дорошев проследил за ее взглядом — у входа курили двое мужчин, одного он хорошо знал — это Панин, а второго тоже видел, но имени не запомнил.

— Мне пора, до свидания, — скороговоркой проговорила стажерка и поспешно заскочила в автобус.

Кипиш в городе

Панин тыкал средний палец в спину удаляющимся москвичам, те оскорбительного жеста не видели, так как на затылке глаз не имели, но тем не менее Астахова почувствовала негативные вибрации и обернулась.

— Вы что-то хотели?

— Нет-нет, — пролепетал капитан, — хорошего рабочего дня.

Минуту назад он поинтересовался, как продвигается расследование, на что Лариса Георгиевна пространно ответила: “Не беспокойтесь, продвигается”.

Все трое абсолютно не желали контактировать со скользким типом.

“Ну ничего, я вам сейчас устрою”, — подумал злостно Панин и поехал подговаривать родителей убитых девушек не сотрудничать с москвичами.

С семьей Анжелы никаких проблем не возникло, они уже заочно ненавидели выскочек из столицы. Виталий Егорович умел подлить масла в огонь, придумывая на ходу аргументы:

— Лезет со своим длинным шнобелем, — имел он ввиду орлиный нос Ларисы Георгиевны, которую почему-то особенно невзлюбил, — в каждую дырку! И чего тебе надо? Мы здесь и сами справимся!

— Ну, говорят же убийцу ищут, — неуверенно подала голос мать покойной Анжелы.

— Убийцу, — передразнил ее Виталий Егорович, не имея больше доводов против расследования. — А что ты думаешь, найдут имя убийцы в брюхе твой дочери?! Извини конечно, но они же собираются еще раз девочку распотрошить, по кусочкам разобрать, как будто Сан Саныч лох деревенский, не знает, как вскрытие проводится!

Родители Анжелы ахнули.

— Какой кошмар!

— Ага! — нащупал верное направление Панин. — То ли еще будет! Мало вам: одни похороны вы пережили, ничего и второй раз переживете.

— В смысле?! — возмутился отец. — Это что, мы должны еще раз Анжелку хоронить за свои же деньги?! Нам похороны в шестьдесят тысяч обошлись, еще и не хватило, всем соседям торчим по пятыхатке! И что еще раз хоронить?!

— Ну так, — двусмысленно ответил следователь, конечно он им не скажет правду: деньги на эксгумацию и повторное захоронение выделяются из бюджета.

— Да хрена им лысого! — вскричал мужчина и ударил кулаком по столу.

— Вот! — одобрительно заметил Панин. — Вот так им и скажешь. Ничего не бойся, правда на нашей стороне.

“Сейчас я вам устрою теплый прием!” — посмеивался Виталий Егорович представляя во что выльются его подстрекательства.

Родители Анастасии тоже не лестно отзывались о спецгруппе из Москвы, вспоминая как эта тощая полковница прямо во время панихиды потревожила тело Настеньки.

— Я не дам им осквернять тело моего ребенка! — кричал отец. — Это кощунство!

— Да! — Панин со всем соглашался. — У этих москвичей ни стыда, ни совести. Их гнать отсюда надо сраной метлой, чтобы духу их не было! А мы как-нибудь сами убийцу отыщем! Ты, Иванович, не сомневайся.

Родитель смахнул скупую слезу и опрокинул в себя очередную рюмку.

— Ты закусывай, — подсунул ему соленый огурец сердобольный капитан. — Отыщем-отыщем и за яйца к березе подвесим. У нас тут с этими педофилами разговор короткий, я тебе обещаю, что сволочь эта получит по заслугам.

Отец Анастасии сходил с ума от злости и горя, ночей не спал, всё ждал возмездия. После второй рюмки он быстро захмелел.

— Обещаешь? — спросил у Панина, едва ворочая языком.

— Дружище, обещаю, — вполголоса подтвердил Виталя. — Только москвичей отсюда выкурим и сразу же дело с мертвой точки сдвинется. Гниды же эти не дают работать!

— Всё, замётано!

— И всем своим скажи, тут главное не молчать, а действовать.

Единственная, с кем возникли проблемы — это мать студентки Карины. Женщина жила за городом и Панину лень было туда ехать, поэтому он вызвал Кирееву в отдел, но не официально, а по-тихому.

— Я и сама хотела к вам приехать, — заявила сухонькая женщина.

— Зачем? — удивился Виталий Егорович.

— Ну как же? Убийцу дочери так и не нашли!

Панин едва не поперхнулся, он-то дело закрыл как самоубийство.

— Какого еще убийцу? Ваша дочь прыгнула с седьмого этажа и разбилась насмерть.

— Не могла она сама, я еще тогда не поверила. Все про манька говорят, а вы его не ищите.

— Все, мать, херню говорят! Ты их меньше слушай!

Киреева обиженно поджала губы, этот жирный боров следовательно сразу ей не понравился.

— Я хочу говорить с вышестоящим начальством.

— Чего? — брезгливо сморщился капитан. — Вы, не осведомленная женщина, я специально вас вызвал чтобы предупредить. Тело вашей дочери хотят эксгумировать, вы понимаете, что это значит?

— Конечно, знаю, не в лесу живу. Если надо, эксгумируйте.

Виталий Егорович отшатнулся, совсем не ожидал такого ответа.

— Мамаша, вы в своем уме?! Девочку вашу снова выкопают, распотрошат, соберут кое-как, а потом в топку кинут!

Бедное сердце матери не выдержало, она схватилась за грудь и осела.

— А вы в своем уме? Вы что такое говорите?

— А то и говорю, не давайте разрешения на эксгумацию.

— Бред! — воскликнула женщина.

— Ну смотрите, я вас предупредил.

У Панина больше не было ни малейшего желания продолжать разговор с упрямой матерью убитой. Киреева покинула его кабинет, внутри клокотала обида, сердце требовало мести. Женщина медленно пошла по коридору, читая таблички с именами, всё-таки интуиция подсказывала — надо отыскать начальство.

Кипиш продолжается

К семи утра началось: у полиции столпились люди, не сказать что в большом количестве, человек пятнадцать собралось, в основном мужики. Требовали они незамедлительно полковника Брагина, иначе грозились устроить митинг возле прокуратуры.

Полковник Брагин обычно приезжал на службу около десяти, если не планировалось совещаний. Поэтому первым на работу явился Панин и заговорщицки подмигнул митингующим.

— Сейчас разберемся! — пообещал он толпе и быстро юркнул внутрь.

Не обращая внимание на растерянного дежурного, довольно захохотал и потер ладони.

— Виталь, — обратился к нему лейтенант, на чью смену так неудачно выпал митинг, — чё делать?

— Снимать штаны и бегать, ха-ха-ха, — глупо пошутил капитан и загоготал на весь полицейский участок, даже стены затрясло.

Дежурному было совсем не до смеха, он с опаской посматривал на разъяренную толпу, те продолжали барабанить в окна и шумно переговаривались.

— Ну че застыл? — вдоволь посмеявшись, одернул его Панин. — Звони, давай, Брагину! Пусть срочно приезжает, не к добру всё это, Петя, не к добру!

Лейтенант неуверенно потянулся к телефону, а Виталий Егорович пошел по кабинетам, хотелось обсудить ситуацию с кем-нибудь из коллег, проще говоря — посплетничать.

Полковник Брагин приехал спустя сорок минут, и так совпало, что спецгруппа практически за ним следом.

— Что случилось? — только и успел спросить полковник.

Народ, заметив москвичей, набросились на них с упреками и обвинениями.

“Убирайтесь! Катитесь в свою Москву!” — кричали люди, некоторые не стеснялись в выражениях, используя нецензурную брань.

“Вот вам эксгумация!” — крикнул кто-то из толпы и ткнул Астаховой кукиш.

Перегудов закрыл ее своей широкой спиной, но Лариса Георгиевна не из робкого десятка, и за словом в карман не полезет.

— Прекратите немедленно! — раздался ее командный голос и народ слегка притих.

Она вышла в центр совершенно без страха и спросила:

— Кто главный?

— Нет у нас здесь главных, — ответил мужчина, уже хорошо знакомый ей с похорон Насти.

— Давайте обсудим возникшие вопросы как цивилизованные люди, — предложила полковница.

— Цивилизованные люди дают возможность спокойно похоронить своих детей, а потом не заставляют их выкапывать заново.

— Что?! — Лариса Георгиевна опешила от обвинений отца убитой девочки. — Послушайте, это какое-то недоразумение...

— Это вы здесь все одно большое недоразумение и мы не уйдем отсюда, пока вы не уберетесь туда, откуда приехали.

— Вы понимаете, что это глупо? — попыталась она призвать к здравому рассудку.

Но дальнейшие доводы были бессмысленны, толпа бесновалась, хаотично выкрикивая

нелепые обвинения. Перегудов потянул руководительницу за рукав, Дорошев прикрыл их спиной, стараясь своим суровым видом поумерить пыл.

Лариса Георгиевна оплеванная, оскорбленная, чувствовала себя прескверно и ничего более не придумала, как сорвать злость на Брагине.

— Это просто невыносимо! В таких условиях невозможно работать! Вопиющая дикость!

Тот кивал, словно болванчик, понимая с кем имеет дело, Лариса Георгиевна важная персона, к ее мнению прислушиваются и если не дай бог, она скажет Москве, что Брагин не справляется со своими обязанностями — он вылетит вместе с креслом из кабинета начальника отдела.

Астахова немного успокоилась, перевела дыхание и задрал высоко подбородок, удалилась в кабинет, Перегудов и Дорошев за ней, тоже не довольные и гордые.

Полковник Брагин, будто обделался, поковылял к себе, приказав секретарше немедленно отыскать капитана Панина.

Виталий Егорович явился незамедлительно, слишком довольный и красномордый.

— А ты чего такой счастливый? — спросил начальник.

— Иванович, ты же меня знаешь. Я всегда на позитиве.

— Мне эти москвичи уже всю печень выели, как они меня достали!

Панин понимающе кивнул.

— Сделай что-нибудь, поговори с этими придурками на улице, объясни, что ничего страшного в эксгумации нет.

— Иванович, да они меня и слушать не станут, ты что?! Это же их дети! Ты сам поставь себя на место родителей!

— Виталик, я тебя прошу, придумай что-нибудь, — настойчиво требовал начальник и это звучало совсем не как просьба.

“Хрен с тобой!” — хотел сказать подчинённый, но вовремя одумался и скрепя сердцем, кривя душой, ртом и ворочая носом, небрежно кивнул.

— Ладно, — протянул он и поднялся, разглаживая мятый пиджак.

На лацкане осталось жирное пятно после сытного перекуса шаурмой, его существование удивляло Панина.

— О! — воскликнул он и принялся увлеченно слюнявить кляксу. — Будет сделано, товарищ начальник.

Не отрывая глаз, капитан покинул кабинет и не спешил выполнять приказ.

Вскоре к толпе вышел Перегудов, обладающий умением утихомиривать одним лишь суровым взглядом.

— Граждане, расходитесь! Мы вас услышали, выслушайте и вы нас! Пусть останутся только родители убитых, остальные идите по домама.

Главный зачинщик, то бишь отец Анжелки, снисходительно кивнул и взглядом благословил товарищей, те под дружный гомон разошлись, все же поглядывая на приезжего из-под лба.

— Чего вы добиваетесь? — спросил Перегудов у оставшихся двух мужчин.

— Чтоб перестали наши семьи мучить! — вскричал отец Анжелы. — Валите в свои Москву, а мы тут сами разберемся!

— Интересно — как?

— Это уже не ваше дело! Главное, чтобы вы под ногами не путались.

Майор устало вздохнул, понимая что перед ним дремучий лес без единого светлого

лучика, сплошное мракобесие. Смысла доказывать что-то подобным особям он не видел, поэтому попытался найти компромисс.

— Дайте нам время до конца месяца.

Перегудов явно хитрил, месяц только начался. Недовольный родитель, хотя и польщенный тем, что столичный следователь просит отсрочки, переступил через себя и уступил.

— Две недели, — предупредил он майора. — И про наших девочек забудьте! И близко к могилкам не подходите.

Следователь вроде согласился, понуро опустил голову, развернулся и молча вернулся в райотдел.

Чему быть, того не миновать

Перегудову пришлось пойти на попятную, дабы утихомирить конфликт с местным населением. И Астахова это прекрасно понимала, к сожалению, других вариантов она тоже не видела.

Все трое никак не могли приступить к работе после бурного утрачка и такого теплого приема местных. Сидели пили кофе и делились мнением о наличии умственной отсталости у местных.

— Я подобного еще не встречала, — шокировано повторила Астахова. — Вопиющая дикость.

Мужчины что-то промышчали, каждый думал о своем. Так к примеру Дорошев мечтал поскорее вернуться домой, подальше от средневековья.

В двери кабинета тихо постучали, все трое отвлеклись и Лариса Георгиевна громко сказала: “Войдите!”.

К ним вошла маленькая женщина, щуплая и болезненная. Неуверенно поздоровалась и представилась:

— Я мать Карины Киреевой, дежурный посоветовал к вам обратиться. Вчера вас не застала, пришла еще раз.

Астахова быстро смекнула — женщина пришла неспроста.

— Конечно, проходите, присаживайтесь, — предложила она любезно.

Киреева неловко присела на краешек стула и дрожащей рукой достала из сумочки пару скомканных бумаг.

— Вот, пожалуйста, примите. Это мое заявление с просьбой возобновить дело моей дочери, а это разрешение на эксгумацию. Я всё-таки настаиваю, пусть и за свои деньги придется повторно хоронить.

— Что, простите? Кто вам сказал про повторное захоронение? — удивилась Астахова.

— Как кто? Ваш коллега — Панин. Он меня вчера битый час страшал всевозможными последствиями.

— Что? — глаза следовательницы полезли из орбит. Так вот значит кто воду мутит!

Все трое мгновенно всё поняли, приняли заявление матери убитой и тут же отправились в кабинет к полковнику с требованием немедленно созвать внеплановое совещание. Похоже удача в этот раз переметнулась к следственной группе из Москвы, оставив ничего не подозревающего Панина с носом.

Сам Виталий Егорович, как и прежде, в прекрасном расположении духа вошел в кабинет полковника, открыв дверь, едва ли не с ноги. Правда слегка поумерил пыл и даже икнул, заметив серьезные лица столичных коллег. Тут же копчиком почувал неладное и морально приготовился к взбучке.

— Как вы это объясните? — подсунула ему под нос заявление Киреевой старший следователь СК, где заявительница подробно описала суть ее последнего разговора с капитаном и его угрозы.

Панин мельком взглянул на полковника, тот отвел глаза. Помогать своему лучшему сотруднику он не собирался, что значило — сам заварил, сам и расхлебывай.

— Ложь, — опроверг слова Киреевой капитан и демонстративно отбросил заявление.

Астахова промычала “угу”, другого ответа не ожидая.

— Я требую принять заявление гражданки Киреевой, — громогласно заявила руководитель группы, — и провести служебное расследование по факту злоупотребления капитаном Паниным служебного положения.

Лицо полковника покрылось испариной, дело приобретало куда более серьезные последствия, чем он мог представить.

Сам виновник треволнений побагровел и буравил глазами Астахову, уже во всю силу ненавидя высокомерную коллегу.

— Какое еще расследование?! Вы в своем уме, барышня? — наехал он на нее.

Ту нисколько не задело хамство недобросовестного следователя, его реакция была вполне предсказуемой.

— Иначе я буду вынуждена сообщить о нарушениях в Москву, — добила своим заявлением Астахова.

— Да сообщайте куда хотите! — разошелся Панин не обращая внимание на предупреждающий взгляд полковника. — Ты смотри приехали, права качают! Кто вас звал вообще?! Мы давно бы без вас преступника поймали! Херней какой-то занимаетесь: то девок, бля, давайте выкапывать из могил, то каких-то ненормальных мамаш допрашивать. — Он начал неистово передразнивать коллегу: — “Я требую служебное расследование”! А больше ничего не надо?

Склонившись почти над лицом женщины, эмоционально выкрикнул при этом оплевав:

— В Москву свою езжай и там требуй! Я тут между прочим один из лучших следаков! На мне весь отдел держится! А ты своим псам будешь требования предъявлять, ты смотри какая!

Перегудов подался вперед, намереваясь кое-кому настучать по лбу. Максим тоже заелозил на стуле, чувствуя бешеный накал страстей; Брагин жевал губы, гадая чем все-таки закончится представление и всё еще не зная, чью сторону принять. Одна лишь Астахова и бровью не повела, спокойно, ровным голосом спросила:

— Значит мы “херней” занимаемся?

— А то чем же? Приехали такие, — тут он не удержался вскочил и стал кривляться, изображая походку королей, — на блатной козе не подъедешь! Ходят, морду воротят! Тоже мне москвичи, плевать я хотел на ваши расследования! Давайте, можете всех трупаков выкопать! Может найдете своего маньяка в кишках!

— Могу продолжить? — вежливо поинтересовалась следователь СК, когда Панин наконец-то сел на место и закончил пантомиму.

Он не удостоил ее ответом, обиженно отвернулся и выпучил нижнюю губу.

— Я еще не встречала подобных вам людей, — честно призналась Астахова. — Вы только представьте, сколько всего бы смогли достичь, если бы направили свою энергию в правильное русло? Да вы бы горы свернули. Вместо этого вы предпочитаете плести за спинами коллег интриги. Неужели вы думали что ваши усилия останутся не замеченными?

— Ничего я не думал!

— Вот в этом вся ваша проблема! Вам лишь бы быстрее дело раскрыть, не важно кто убийца.

— Я всё правильно делал! Там маньяком и не пахло!

— Потому что это не маньяк, а серийный убийца.

— Ещё скажите, что есть разница?!

— Конечно, есть, — Астахова продолжала поражать всех своей выдержкой и

безграничным терпением. — Маньяк — это психически нездоровый человек, убивающий без какой либо цели и мотивов. А серийный убийца придерживается чёткой цели и мотив у него один. Какой — мы пока не выяснили. И если бы вы нам не мешали, то давно бы позволили следствию продвинуться.

Панин притих, похоже доводы следователя СК воздействовали, пусть и незначительно.

— Коллеги, — наконец-то обратился к ним Брагин и напомнил о своём присутствии, — давайте поступим следующим образом: вы (указал он на группу из Москвы) продолжите спокойно свою работу, никто вам мешать не станет. А вы, Виталий Егорович, напишите подробную объяснительную и не вздумайте усугублять дело.

Капитан коротко кивнул, мысленно выдохнув — “фух, пронесло”. В общем-то на этом совещание закончилось, все казались более-менее довольными его итогами. Астахова хотела решить конфликт — она его решила.

Гениальная идея

Во всем мире не сыскать человека умеющего так ловко имитировать бурную деятельность, как умел Панин. Он мог искусно притворяться поглощенным с головой в работу и самым занятым человеком в отделе. Порой даже полковнику было стыдно за свою лень, стоило заглянуть в кабинет капитана, где тот мастерски строил пирамиды из пыльных папок с непонятно какого года и рода делами, бил в одно и то же время по клавишам и совершал важнейшие звонки.

Вот и в этот раз Брагин заглянул к своему проштрафившемуся сотруднику и тут же довольно кивнув, ретировался. Полковник, как всегда, наивно принимал разыгрываемый спектакль за чистую монету и убедился в том, что хорошая взбучка лишь мотивирует подчиненных работать продуктивнее. Он даже представить не мог как далек от правды, хотя в одном был к ней очень близок: взбучка действительно помогла. Но подействовала она на Панина совершенно не так, как хотелось бы начальнику.

Виталик достал из сейфа первые попавшиеся дела, разбросал их по столу, не переживая что может спутать данные. Открыл чистый вордовский документ и если слышал приближающиеся шаги — начинал стучать по клавишам, печатая полнейшую бессмыслицу. Он знал, что Брагин обязательно нагрянет с проверкой и заслышав скрип двери — брал телефон и громко спрашивал “Когда будут готовы результаты? А ну-ка скинь мне на мыло сводку”.

Едва шаги в коридоре стихали — открывал игру в одноклассниках и строил там ферму. Сам же капитан всё-таки расстроился, злился на себя и на всех причастных к его позору. В душе поклялся обязательно отомстить подлым москвичам и доказать полковнику, что тот в нем не ошибался — Панин как и прежде звезда отдела и его единственная гордость. В голове у Виталика уже назрели кое-какие мысли. Точнее одна прекрасная идея, воплотив которую, капитан сможет восстановить свое доброе имя, утереть нос москвичам, станет героем города, да что там города — области, если не всей страны. А идея заключалась в следующем: найти серийного убийцу самостоятельно. Правда была одна загвоздка: как достичь желаемого — Панин пока не знал. Но не отчаивался и для начала решил подробно разузнать о версиях конкурентов, пригласив своего засланного казачка на разговор.

Валюшкина робко постучала, так же робко вошла, боясь сломать что-нибудь своим дыханием. Стала напротив начальника и заламывала пальцы, явно чувствуя себя крайне неловко.

— Садись, детка, — капитан указал на стул и впервые обратился к ней ласково, потому что имя, как всегда, забыл.

Она села и с опаской посматривала на своего вспыльчивого руководителя.

— Ну рассказывай, что они там уже выяснили. Есть у них подозреваемые?

Стажерка тяжело вздохнула, никто не любит ябед. Всё-таки информация, которую она втайне подслушивала была секретной, за распространение тайн следствия по головке не поглядят. Впрочем, капитана мало волновали ее внутренние переживания, устав от ее вздохов умирающего лебедя, он напомнил о морали:

— Ну, говори, хуже не будет, поверь мне. А будет плохо, если все узнают какая ты легкодоступная девушка.

Валюшкина вспыхнула и тихо пересказала подслушанное:

— Конкретного подозреваемого нет. Они полагают, что убийца был хорошо знаком с первыми двумя жертвами, поэтому и проверяют все их контакты. А с третьей убитой — Настей, знаком не был, она случайная жертва.

— Ага-ага, — с интересом слушал Виталий Егорович. — А почему они так думают?

— Потому что у первых двух девушек не обнаружили следов сопротивления. Еще они полагают, что убийца действовал спонтанно, возможно в состоянии аффекта. Астахова говорит, что возможно у него раздвоение личности.

— Да ты что? — Панин загорелся от любопытства, подпрыгнув на стуле. — А скажи они уже всех дуриков проверили?

— Вы имеете в виду психически больных?

— Нет, конечно! Психически здоровых! — раздражала его недогадливость девчонки. — Стажерка, не беси меня!

— Дорошев занимается состоящими на учёте в психдиспансере.

Капитан потёр довольно ладошки, нащупав тонкую нить, ведущую к убийце. Получив нужные сведения, он махнул застывшей стажерке рукой, мол, иди. Но та почему-то продолжала сидеть на месте и пыталась что-то сказать, открывала рот и тут же закрывала обратно.

— Ну чего еще? — раздраженно спросил Панин.

— Виталий Егорович, — едва слышно обратилась к нему девушка, оглянувшись по сторонам и еще тише прошептала: — я могу вам кое-что рассказать?

Ее голос дрожал, а в глазах читался дикий ужас. Капитан чувствовал ее страх и наклонившись ближе, утвердительно кивнул.

— Только это между нами, — предупредила Валюшкина.

— Разумеется, — медленно моргнул Панин и дернулся от нетерпения — что же ее так напугало?

— В ночь убийства третьей девушки я видела в парке капитана Колмакова, — прошептала она на ухо.

— Что? — у Виталика глаза на лоб полезли, ему не верилось, поэтому переспросил: — Кого ты видела и где?

— В центральном парке, недалеко от места, где была убита третья девушка, я видела Олега.

— А что он там делал?

— Сначала он курил на лавке, а потом зачем-то пошел в заросли. Я хотела пойти за ним, но испугалась и ушла домой. Виталий Егорович, я никому об этом не рассказывала.

Панин отшатнулся, продолжая пучить глаза.

— И правильно, — как-то странно произнес он. — Не надо ничего никому рассказывать. Ты поняла?

Валюшкина кротко кивнула, почувствовав несказанное облегчение, будто камень с души сбросила. Наконец-то она поднялась и собралась уходить.

— Деточка, — окликнул ее капитан, — а сама-то ты, что делала поздним вечером в центральном парке?

Девушка медленно обернулась и сжалась вся, то ли от страха, то ли от ненависти.

Она не успела ничего сказать, Панин уже и так догадался:

— Я понял, — хитро подмигнул он. — Следила за ним, да?

Стажерка понуро опустила голову, сразу стало ясно — поймали на горячем.

— Ладно, иди, — дал добро Виталий Егорович.

Как только шаги в коридоре стихли, действительно занялся работой. А именно запросил график дежурств капитана Колмакова за прошлые две недели.

Спящая красавица

Погода испортилась окончательно и лето со всеми попрощалось, напоследок крепко поцеловав по бабьи. Теперь о теплых днях можно позабыть надолго.

Максим грустно вздохнул, заметив скудные капли дождя на стекле. Сегодня пятница, последний рабочий день и молодое здоровое тело требовало веселья. Где бы разгуляться в этом захолустье? Он взглянул на копошившуюся в углу стажерку и на минуту задумался: с виду девушка была обычная, такая себе серая мышь, но что если ее растормошить, разбудить вулкан страстей?

— Алена, вы что вечером делаете?

Девушка будто и не слышала вопроса, в последнее время пуще прежнего рассеянная, потерянная и несчастная.

— Я? — переспросила она.

— Вы. Хочу познакомиться с ночной жизнью вашего города. Есть тут у вас какой-нибудь клуб или бар хороший?

На этот вопрос стажёр затруднялась ответить, ее не привлекала ночная жизнь, а все эти шумные увеселительные заведения, напротив — пугали.

Максим широко улыбнулся, включив свое обаяние на полную, ему хотелось, чтобы Валюшкина хоть как-то реагировала на заигрывания, смущалась или начала неумело флиртовать, а не стояла истуканом. Но девушка продолжала растерянно моргать, не в силах даже допустить того факта, что такой мужчина как Дорошев куда-то там ее приглашает.

Неожиданно на выручку пришел Перегудов, он встал между запуганной девочкой и своим московским коллегой.

— Максим, давай я с тобой в бар схожу? Самому охота развеяться.

Максим был не против компании майора, который мельком указал на застывшую в нерешительности стажерку, мол, не трогай ее, не надо.

— Ладно, — тут же согласился Дорошев и оставил странную девушку в покое. Видимо, не простая задача пробудить в человеке то, чего нет.

Майор тоже отошел, дав ей возможность спокойно собраться.

Пять минут назад он застал Валюшкину в коридоре, забитую в угол и глотающую слезы. Девушка отвернулась лицом к стене, чтобы скрыть нахлынувшие эмоции и беззвучно всхлипывала. Перегудов вежливо поинтересовался, нужна ли помощь. Стажерка лишь пожалала хрупкими плечиками в ответ, даже не повернувшись в его сторону и зачем-то извинилась. Ему было искренне жаль бедняжку, он как-то сразу понял, что в отделе ей приходится несладко, как и вообще по жизни. Но на контакт она не шла, всё сторонилась, предпочитая оставаться незамеченной.

Перегудов и Дорошев остановили свой выбор на местном баре неподалеку и отправились туда, на прощание пожелав женщинам хороших выходных. Алена выдавила из себя улыбку и пожелала им в ответ того же. Астахова промычала “угу”, на лице читалось недовольство — поступок коллег-мужчин немного обидел ее. Могли бы тоже пригласить за компанию. Естественно, она бы отказалась, но факт остается фактом — банальную вежливость никто не отменял. Почему-то коллеги и в мыслях не допускали позволить себе подобную выходку, продолжая соблюдать субординацию.

— Вы тоже можете идти, — сказала Астахова стажерке, когда мужская половина

коллектива покинула кабинет. — Не беспокойтесь, я выключу свет, вытяну штекеры из розеток и закрою дверь.

Валюшкина слегка смутилась, оказывается полковница всё это время замечала даже такие незначительные детали как ежевечерние ритуалы проверки всех вынутых штекеров из розеток. Каждый вечер по завершении рабочего дня Алена делала пять кругов по кабинету, удостоверяя свои глаза в том, что все приборы отключены от сети, затем она закрывала замок на ключ и дергала пять раз дверь. Всё это было необходимыми процедурами, иначе без них не уснуть, мозг будет издеваться, заставляя усомниться в собственной адекватности — а вытащила ли она штекер чайника из розетки? А что если нет? Что если короткое замыкание? Загорится весь отдел, одни головешки останутся. Ее посадят в тюрьму, там другие зэчки будут над ней измываться. В итоге, повесится на собственной простыне.

— Идите, — настойчиво выпроваживала ее Астахова.

— До свидания, — проблеяла стажерка и неуверенно покинула кабинет.

Оставшись наедине сама с собой, полковница откинулась на спинку стула и горько вздохнула. Она не знала чем заняться в выходные, кроме как расследованием.

Здание районного отдела полиции было построено еще в пятидесятых, низкое, с маленькими зарешеченными оконцами и узкими темными коридорами, куда никогда не проникал солнечный свет из-за соседства более высоких и современных построек. Из-за постоянной экономии, коридоры освещались лампами на двадцать ватт, что позволяло разве только выход обнаружить.

— Валюшкина! — окликнул женский голос из потемок.

Девушка обернулась, из кабинета инспектора по делам несовершеннолетних выглядывала сама инспекторша и махнув рукой, заманила на огонек.

Алена удивилась, понятия не имея что понадобилось этой женщине. Вскоре стало ясно: за столом сидела ее закадычная подруга из отдела кадров — разведенка Светочка.

Женщины налили девушке чай, Света положила на тарелку кусок пирога, лицемерно улыбаясь.

Валюшкиной как-то и неудобно было отказывать, уже почти полгода она с ними работала в одной организации, а ни разу не общалась.

— Ну как москвичи? — подождав пока девушка сделает первый глоток, спросила инспекторша Куняева. — Ладишь с ними?

— Да, — ответила стажерка и отпила еще.

Женщины обменялись недовольными взглядами, в целом догадываясь, что придется каждое слово клещами вытаскивать.

Тут Куняева подняла вверх указательный палец и почти воскликнула “Эврика”.

— У меня же настойка осталась!

— О! — поддержала ее подруга. — Так чего сидишь? Давай наливай!

Она быстро метнулась к сейфу, достала начатую бутылку и три рюмки.

— Спасибо, я не пью, — отказалась Валюшкина, когда две рюмки уже были наполнены.

Куняева застыла с бутылкой в руке, посмотрела на подругу.

— Немножко можно, — начала уговаривать девушку Светочка, — сегодня же пятница!

— Глоточек! — и несмотря на отказ инспекторша налила настойку.

Женщины наивно полагали, что смогут разговорить Овечку с помощью алкоголя. Девушка пригубила немного, скривилась и больше пить не стала.

Подруги разочарованно опустошили рюмки, много болтали о всякой ерунде.

Валюшкина неловко заерзала на стуле, не зная как бы попримичнее отказаться от компании, хотелось домой.

— Мне пора уже! — тихо сказала она, выставив ногу, как бы приготовившись стартовать.

— Да рано еще! — остановила ее Куняева, налила себе и подруге, затем попыталась выведать то, что их с подругой интересовало больше всего. — Скажи, а у Дорошева в Москве есть девушка?

— Не знаю, — честно призналась стажерка.

— А я бы на твоём месте давно бы узнала! Такой красавец! Скажи, может слышала как с какой-нибудь девчонкой по телефону разговаривает?

— Не слышала, — немногословно ответила Алена.

— Значит, нет никого, — сделала вывод Куняева. Светочка просияла.

Выведать дальнейшие подробности личной жизни столичного капитана не получилось — в дверь кто-то коротко постучал. Не дождавсь приглашения, вошел Колмаков и игнорируя присутствие остальных дам, обратился напрямую к Светочке.

— Так и знал, что ты здесь!

— Чего надо, Колмаков? Мой рабочий день давно закончен!

— Прими заявление, — сунул он ей бумажку.

— Не приму, — категорично заявила кадровик. — Приходи в понедельник.

Олег понимал, что это месть за пустые обещания перезвонить. Вот опять ему воздается за чрезмерную любвеобильность.

— Не может-быть! — Куняева всплеснула руками. — Бражка что ли подписал? Да ну нет!

Колмаков сухо кивнул и попытался еще раз, уже более ласково договориться со Светочкой.

— Ну, Светуля, пожалуйста.

Света оставалась непреклонной и молча жевала пирог.

— Да с понедельники и пойдешь! — Куняева ответила вместо подруги, продолжая изумляться щедрости полковника Брагина: — Слышишь, впервые на моей памяти Бражка кому-то разрешает в отпуск свалить в разгар сезона!

Все это время сидевшая ниже травы тише воды Валюшкина обернулась и вперила свои телячьи глазки в Олега. Тот потемнел и осел под ее пристальным взглядом. Эта сцена не могла остаться незамеченной подружками, Куняева фыркнула, а Светочка открыла рот.

— Ладно, в понедельник зайду! — ни с того ни с сего прекратил уговаривать Колмаков и выскочил из кабинета почти бегом.

Женщины продолжали недоумевать, когда Валюшкина схватила рюмку, опрокинула в себя и ушла следом, не сказав ни слова на прощание.

— Ничего себе, — прошептала Светочка.

— Это что такое было?

Пятничный вечер

Владельцы развлекательного заведения с провинциальным названием “Галактика”, старались как могли и гнались за модой, обвесив стены какими-то непонятными балдахинами, больше напоминающими простыни; расставили уродливые фигуры прищельцев и зачем-то посередине клуба установили светофор.

Максим посмеивался, рассматривая интерьер и с ностальгией вспоминал столичные клубы и отшлифованных, как бриллианты девчонок, с которыми сейчас неплохо бы проводил время, вместо того чтобы прозябать в этом богом забытом захолустье.

— Определились? — отвлекла от грустных мыслей низкорослая официантка, больше похожая на престарелого гнома.

Перегудов пялился в меню и ничего не видел, понятия не имея, что это за названия такие дурацкие и зачем всё усложнять.

— Триста грамм водки и лимон с сахаром, — положив меню на стол, сформулировал он четко заказ.

— Давайте сразу бутылку, — не стал изображать из себя москвича мажора и Дорошев. — И нарезки какой-нибудь.

Официантка даже записывать не стала и нисколько не удивилась. Водка в их заведении — самый ходовой товар.

— Скучно, — растянувшись в полный рост и заломив руки за голову, жаловался Максим.

Коллега промолчал, как обычно суровый и задумчивый.

— Мы в командировке, — напомнил он спустя полминуты, — весело и не должно быть, привыкай.

Молодой капитан тяжело вздохнул и отвлекся на танцующих девиц в центре. Одна, кстати, была очень даже ничего и неплохо виляла задом.

Заметив изучающий долгий взгляд, девушка обернулась и тоже быстро оценила молодого человека. Конечно, он не мог не нравиться, поэтому подмигнула и призывно виляя бедрами, разместилась за столиком напротив. Максим лукаво улыбнулся, чем окончательно очаровал, покамест, незнакомку.

Михаил прочистил горло, моментально осознав, что пить водку будет в одиночестве и снисходительно моргнул. Максим поднялся со словами “я сейчас”, хотя уже возвращаться к скучному, угрюмому коллеге не собирался.

— Могу составить компанию? — спросил он у глупо хихикающих девчонок.

Те двусмысленно переглядывались и пожимали плечами.

— Максим, — представился кавалер и подсел к ним, так и не дождавшись внятного ответа.

— Рита, — ответила самая симпатичная и бойкая, за что тут же была вознаграждена томным поцелуем в тыльную часть ладони.

— Очень приятно, — прозвучало вполне правдиво и следующая часть вечера и ночи обещала быть, куда более веселой и беззаботной.

Перегудов выпил пару рюмок залпом, расплатился и забрал остаток водки, спрятав бутылку под мышку. На ходу попрощался, дабы не отвлекать коллегу от бессмысленных разговоров с девчонками и отправился в гостиницу.

Такси брать не стал, решил прогуляться и освежиться. Пил он редко, поэтому хмель быстро в голову ударил и разлился расслабляющим теплом по всему телу. Думать ни о чем не хотелось, что тоже было удивительно и совершенно не о майоре, который думал двадцать четыре часа в сутки, даже во время сна.

Он шел по мало оживленной улице периферийного стандартного городка, коих рассыпалось по всей стране множество. Один похож на другой, как две капли воды, будто так и задумано архитекторами. Для чего интересно? — гадал Перегудов. Может чтобы эти однотипные панельки многоэтажки напоминали о чем-то родном и далеком. Чтобы, когда заглядываешь в окна, представлял там не равнодушных незнакомцев, а семью, которая ждет тебя домой. Чтобы казалось, будто есть куда вернуться, где бы ни был, куда бы не занесло.

А может вовсе нет замысла? Может фантазия тех, кто строил эти похожие друг на друга города, скудная и ограниченная, они ничего более не придумали, как повторять одно и то же под копирку.

В раздумьях и философствованиях Михаил и сам не заметил, как оказался у гостиницы. Задрал голову и отыскал нужное окно — свет горел, значит не спит. Он стряхнул с шевелюры невидимую пыль и осеннюю сырость, зашел внутрь. Впервые в жизни отключил мозг и постучал в ее дверь.

Лариса тут же открыла, будто ждала.

— Выпьем? — сухо спросил Перегудов, достав из внутреннего кармана начатую бутылку.

— Давай, — равнодушно ответила Астахова и пустила в номер.

Стечение обстоятельств

Утро понедельника застало всех врасплох, вроде все знают, что за день следует за воскресеньем, а все равно каждое утро удивляются: а что уже понедельник?

Сотрудники громовского районного отдела тянулись друг за дружкой вереницей, все как один с недовольным лицом и заплывшими от недосыпа глазами. Один лишь Колмаков выглядел бодро, не успел он снять куртку и сделать первый перекур, как в кабинет ввалился Панин, уселся без приглашения и громко поприветствовал коллегу.

— Здорово, Олежа! Как твое ничего?

— Ничего, — буркнул Олег и похлопал себя по карманам в поисках зажигалки.

— Пивка сегодня дернем? Я тебе еще на выходных предложить хотел. Потом закрутился, замотался, язва моя ремонт в ванной затеяла. Короче, выходные хуже будней. Не женись Олежа — вот тебе мой совет.

— Я сегодня не могу — уезжаю.

— Как уезжаешь? — подпрыгнул на стуле Виталик. — Куда?

— К брату в Сургут хочу рвануть недели на две.

— Ничего себе новость, — Виталик нешуточно задумался, сложив руки на пузе и покручивая большими пальцами: обычно в октябре отпуск никто не брал, предпочитая наслаждаться отдыхом летом, ну или в конце декабря, если семейные. В голове у капитана прозвенел первый подозрительный звоночек. — Тогда выставляйся, Олежа!

— Не могу, сказал же, — раздраженно повторил Колмаков, продолжая искать запропастившуюся зажигалку.

— Ты мне друг или сосиска? — возмущенно поинтересовался Панин.

Олег хотел было выругаться, сказать, что таких друзей как Виталя он *в гробу видал*. Не успел — в комнату влетела Валюшкина и с ходу объявила:

— Виталий Егорович, там разрешение пришло на эксгумацию Киреевой. Завтра утром едут на кладбище.

Панин хрюкнул и махнул рукой, ему это с прошлой недели не интересно.

— Ну и хрен с ними! Пусть копают, ничего там не найдут! Сан Саныч все что можно было нашел.

— Астахова сказала — найдут, — как-то слишком уверенно заявила Валюшкина. — Если надо — тело в Москву отправят.

Зазвенела зажигалка зиппо, упав на пол. Колмаков быстро поднял ее и закурил прямо в кабинете, пытаясь скрыть нервный тик хаотичными движениями.

Стажерка и Панин уставились на него, будто видели впервые. Он тоже посмотрел на них, прочистил горло и засуетился возле стола.

— Так, мне надо в отдел кадров бежать, пока Светка на месте, — пробубнил Олег, схватил первую попавшуюся папку и выскочил из кабинета.

— Молодец, — похвалил Виталик помощницу за хорошую работу.

Та бледная как моль, такая печальная — не передать словами, опустила голову и побрела, куда глаза глядят, точно привидение.

К слову, Астахову повторное вскрытие второй жертвы также не слишком заботило, получив разрешение она особо не радовалась. Сейчас ее больше заботило то, что произошло на выходных.

Она и Перегудовым. Какой кошмар! Ведь давала себе зарок никогда не связывать работу и личное. А тут, словно бес попутал, или водка, а может скука, или вовсе одиночество, а это чувство губительнее всего на свете. Бывают такие вечера, хоть волком вой, тоскливо до ужаса, вздернуться хочется. И надо же было именно в один из таких вечеров подвернуться под руку давнему другу и коллеге Мишке. Утром она сразу дала понять, что продолжения не будет, это была разовая акция. С кем не бывает, пустила слабину, она женщина, ей можно. Перегудов молча оделся и ушел, до понедельника на глаза не попадался.

Астахова утомительно и болезненно всё проанализировала, уверенно выкорчевывала все человеческие чувства и на работу явилась с твердым убеждением, что всё в прошлом.

Но как только они столкнулись взглядами с Михаилом, сердце предательски екнуло. Лариса проклинала себя за слабость и ругала на чем свет стоит гиблый городишко, холодный дождливый октябрь, бессовестного серийного убийцу, которого не в силах поймать и водку.

Хорошо, что неловкость между недавними любовниками нарушило появление Дорошева. Он как солнце ясное, молодой, задорный, живой и свежий с ходу озарил всех своей лучезарной улыбкой и нетерпеливо поделился с начальницей кое-какими наработками.

— Лариса Георгиевна, — обратился он, наклонившись к ней неприлично близко, — кажется есть зацепка.

— Да вы что, Максим Андреевич? — радостная, что удалось переключиться на работу, воскликнула полковница. — Кажется или действительно есть?

Капитан разместился на столе и с воодушевлением поведал о своих наработках. Оказалось, что сама судьба свела его в прошлую пятницу с одной из фигурантов дела убитой Мариной Киреевой, то бишь ее подругой и соседкой по квартире Маргаритой Лунякиной. Максим опустил подробности знакомства, так как это уже совсем другая история, например для вечера в бане с пацанами. Ух, он конечно, отжег! Отыгрался на девчонке по полной программе за все три недели без секса. И к слову, продолжения не планировалось, потому что если девушка позволяешь с собой делать, то что с ней делал изощренный в интимных утехах Максим, значит — больше она не интересна, как использованный лист бумаги, очередная после предыдущей.

— Давайте ближе к делу, — вернула его рассказ в правильно русло Астахова.

— Да, конечно, — мигом исправился ловелас и продолжил.

Рита, абсолютно не догадываясь, кто перед ней, поделилась переживаниями. Она, не без преувеличения боялась, таинственного маньяка, убившего Карину. А в том, что та была убита — нисколько не сомневалась. Рита искренне делилась страхами с обаятельным незнакомцем и призналась, что за всё это время впервые осмелилась выйти из дома. Потому как, никто не знает, где находит жертв маньяк. В последнее время девушка прекратила знакомиться с парнями в интернете, полагая, что Карина именно таким образом нашла свою смерть.

— Почему этих показаний нет в деле? — глубоко пораженная услышанным, саму себя спросила Астахова.

— Потому что Панин, — ответил Перегудов и все всё сразу поняли.

Ну, конечно, кто же еще, если не этот скользкий тип, готовый закрыть дело, как самоубийство, не соизволил даже допросить единственную свидетельницу.

— Это вопиющий случай, — возмущению Ларисы Георгиевны не было предела. — Это

халатность в высшей степени, непрофессионализм во всей своей уродливой красоте.

— Надо поднимать архивы, — Перегудов готов был начать кропотливую работу, предстояло изучить архивные данные сайтов, проверить гигабайты информации, перечитать тонны глупых переписок.

— Что ж, Панина пока не трогаем. Он еще ответит за свои деяния. — Астахова загорелась, чувствуя, как нащупывается тонкая ниточка, ведущая к убийце. — Мы с капитаном Дорошевым займемся архивом, а вы Михаил Алексеевич, займитесь подготовкой к эксгумации.

Майор послушно принялся выполнять поручение, ничего не подделаешь, хотя и горько осознавать, что уже не у дел. Он прекрасно понимал почему и за что. Сам виноват, нечего было идти к ней разгонять тоску пятничным вечером с бутылкой водки.

Ближе к вечеру удалось найти переписку предполагаемого убийцы с жертвой. Астахову в который раз поразила беспечность и недалекость убитой: она прямо в чате указала свой адрес. Беспросветная глупость. Осталось выяснить ip адрес убийцы. Нелегкая задача, но разрешимая. К утру обещали положительный результат.

Ниточка крепла, на глазах превращаясь в отчетливый след. Все трое довольные проделанной работой закончили поздно, когда в отделе уже не осталось никого кроме задремавшего дежурного. Даже стажерка и та давным давно ушла.

Осенняя ночь по привычке тянулась долго, едва забрезжил рассвет, Астахова дала команду собираться и быстренько эксгумировать останки Киреевой.

К восьми часам все собрались у ворот громовского центрального кладбища. С минуты на минуту грозило ливануть как из ведра, тучи выглядели недоброжелательно и явно задумывали намочить до нитки полицейских. Оперативники боясь размокнуть, схватили лопаты и поспешили к могиле, сторож вел их по узкой дорожке и тоже торопился, не желая мокнуть под дождем.

На макушку Астаховой опустилась первая огромная капля, холодная и противная. Женщина отряхнулась и поежилась. Следом за первой упала вторая — начался проливной осенний дождь.

Сторож побежал, подняв повыше воротник и всю дорогу про себя ругался: “нашли же времечко”. Добежав до свежей насыпи — удивился и оторопело уставился на вскрытую могилу.

— Это еще что такое?! — вскричала Астахова обескураженная увиденным.

Она подошла ближе, не имея ни малейшего предположения или догадки о том, что сейчас увидит. Глаза ее округлились от ужаса, когда подошла к краю могилы, а волосы буквально встали дыбом.

На дне в гробу лежал Панин с продольной трещиной во лбу, из которой давно перестала сочиться кровь и свернулась, превратившись в грязную бурую корку.

“Вот те раз, вот те два”, — полковник Брагин повторял бессмысленную считалку, не в силах переварить ужасную новость — его лучшего сотрудника сегодня утром обнаружили мёртвым, с пробитой головой и в пустом гробу второй жертвы серийного убийцы.

“Вот те раз, вот те два, отвалилась голова”, — продолжал он нести несуразный бред и пытался принять необратимое.

Новость потрясла не только весь полицейский отдел, но и каждого горожанина, уже выходя за пределы, расползаясь с невероятной скоростью слухами, обрастая ужасающими подробностями.

Брагин погрузился в свои мысли и подпрыгнул чуть ли не до потолка, испугавшись звонка телефона.

— Алё, Ваня? — раздался голос в трубке.

— Слушаю, товарищ генерал, — сразу же узнал вышестоящее начальство полковник.

— Что у вас там случилось? — зачем-то спросил генерал, хотя и без того знал суть происшествия.

— Случилось, — Брагин не до конца понял вопрос и быстро исправился. — Товарищ генерал, сегодня около восьми утра было обнаружено тело следователя Панина на городском кладбище в разрытой могиле убитой прежде Киреевой Карины.

После небольшой паузы начальство удосужилось хоть как-то отреагировать.

— Это пи**ец, Ваня.

— Так точно, товарищ генерал! — крикнул невпопад Брагин и мигом осекся. — То есть, по-другому не скажешь.

— Ладно, я понял, — всё-таки генерал отличался сообразительностью и мог представить в каком шоке сейчас находится его подчиненный. — Труп Киреевой нашли?

— Ищем, — находчиво ответил Брагин.

— Сразу же сообщи, если будут новости.

— Так точно!

— Ну держись, Ваня, — обреченно вздохнул в трубку генерал, — канитель скоро начнется, мама не горюй.

На этом разговор закончился. Полковник заторможенно опустил трубку и снова повторил свою бессвязную считалку: “Вот те раз, вот те два”.

И он, и генерал и каждый в этом городе остро ощущал эту самую канитель, которая буквально ворвалась ураганом и сметала всё на своем пути.

Конечно, такая новость не то что в голове не укладывалась, вообще с ног сбивала.

Теперь убийца не выглядел каким-то эфемерным призраком, перемещающимся в воздухе невидимкой и убивающий каких-то там непонятных молоденьких девиц, таинственный и загадочный, как граф Дракула из Трансильвании. Нет, — это уже был реальный человек из плоти и крови, разгуливающий беспечно по городу и убивающий капитанов полиции лопатами.

Кстати, на счет капитана: все без исключения в отделе естественно находились под воздействием шока, бродили бестолку туда-сюда, испуганно переглядывались и безмолвно соглашались в одном — Виталья Панин вечно совал свой пятак куда не надо, вот и схлопотал лопатой между глаз. Жестоко, но справедливо, а справедливость бывает только такой.

Остывший труп следователя привезли в городской морг. Сан Саныча мягко говоря отодвинули, не допустив к вскрытию. Из области прислали целых двух экспертов. Астахова, будучи практически профессором криминалистики, также присутствовала и фиксировала каждую деталь. Вещи, обувь, все что можно было срезать, смыть — повезли в областную лабораторию. Лариса Георгиевна сама лично вызвалась доставить материал. А чтобы остальные не слонялись без толку, пока ее не будет, приказала изучить последние дела следователя и подключить к работе Валюшкину, она все-таки должна быть в курсе занятий непосредственного начальника. Перегудов команду принял и мигом побежал исполнять.

Дорошев закончил допрашивать сторожа кладбища, когда майор неожиданно спросил: “А где стажерка?”

Тут они заметили, что оказывается Валюшкина отсутствовала, причем с самого утра. Впрочем, это не удивительно, стажерку могли просто не заметить. Обыскали весь отдел — нигде не нашли, наконец-то догадались спросить в отделе кадров личный номер. Позвонили — гудки идут, не отвечает.

Совершенно случайно столкнулись со Светланой из этого же отдела, таким образом выяснилось, что стажерка с сегодняшнего дня ушла на больничный.

Перегудов и Дорошев пытались сами разобраться с делами Панина, вскрыли сейф, там кроме начатой бутылки коньяка, хранилась еще палка копченой колбасы, кусок воблы, эротический роман и записная книжка. Осмотрели всё в кабинете, проверили каждую бумажку, каждую запись, про урну не забыли — ничего не выяснили. Единственное, что вызывало интерес, так это облачное хранилище, к которому доступ был закрыт, как и к почтовому ящику.

Майор принял решение все-таки вызвать Валюшкину в отдел, пусть и больную, похоже без нее никак, поэтому отправил за ней Дорошева. Тот сначала воспротивился, мол, человеку плохо, возможно грипп, не надо беспокоить. Перегудов проигнорировал протест и велел привезти стажерку в любом состоянии, на месте подлечат.

Максиму ничего не оставалось, как исполнить приказ. У той же Светочки он взял адрес Валюшкиной и поехал.

Стажерка жила в мрачном районе, где сплошной стеной тянулись старые многоэтажки и все бы выглядело куда более приглядно, если бы не портящая абсолютно весь постсоветский антураж заброшенная высотка, которую то ли начали строить, то ли вообще снести забыли.

В лабиринте одинаковых человеческих муравейников, он сумел отыскать нужный подъезд. Кнопки лифта кто-то нехороший выжег, внутри воняло мочой. Максима передернуло от отвращения, какая мерзость. И как они здесь живут, подумал столичный капитан и решил подняться по лестнице. По всей стене лестничной клетки кто-то такой же нехороший охарактеризовал какую-то Верку из семидесятой квартиры, как гулящую женщину. Дорошев хмыкнул и пошел дальше.

Будучи помешанным на спорте и зоже, он с легкостью проскочил шесть лестничных пролетов и не мешкая, позвонил в затертый дверной звонок. Прошла минута — тишина, позвонил еще раз. Наконец-то из-за обшарпанной, обитой войлоком двери послышался слабый голосок: “Кто там?”

— Привет, Аленка! — бодро воскликнул Дорошев. — Я к тебе по делу срочному, открой пожалуйста.

Щелкнул замок, на пороге стояла вовсе не Аленка, просто голос похожий. Внешнее

сходство не ускользнуло от глаз следователя. Это мать, как пить дать, стажерка ее точная копия. Женщина выглядела уставшей, замученной и старше своих лет однозначно, горбилась, как старуха и сжимала плечи.

— Здравствуйте, а можно с Аленой поговорить? Я ее коллега.

— Она так сильно заболела, — тихо ответила ее мать, скорбно качая головой. — Со вчерашнего вечера, как вернулась, сморило ее, температура тридцать девять, даже бредить начала.

— Ай-яй-яй, как не вовремя! — сокрушался Дорошев, почесывая затылок.

Всё же команду старшего коллеги надо выполнить.

— Я только пару вопросов ей задам, можно? Дело очень срочное.

Женщина пожалала маленькими плечами и пустила его, провела в комнату к дочери.

Стажерка спала, бледная, точно мертвая. Максим дотронулся до ее холодной руки. Веки девушки вздрогнули, приподнялись. Она попыталась встать с постели, опершись на локти.

— Не надо, не надо! Не вставай! Ты как себя чувствуешь?

— Извините, — прошептала Валюшкина и все-таки сумела приподняться и сесть на кровати.

Она неловко поправила сбившиеся в паклю волосы, понимая, что выглядит просто ужасно, дрожащими пальцами пыталась заправить их за уши.

— Это точно грипп? Может надо в больницу?

— Нет-нет, мне уже лучше. Что-то случилось?

— Вчера кто-то жестоко убил капитана Панина. Нужна твоя помощь, чтобы разобраться с делами, которые он вел в последнее время.

Валюшкина не стала жалостливо вздыхать по своему бывшему, ныне покойному руководителю, лишь попросила дать ей десять минут, чтобы привести себя в порядок.

Максим вышел из спальни, осмотрелся. Вид, конечно, удручающий: оборванные местами обои, выцветшие от времени, старая мебель, к которой страшно притронуться — вдруг развалится.

— Может-быть чаю? — вежливо поинтересовалась хозяйка.

— Нет, спасибо.

Как-то не хотелось в этой унылой убогой квартире ни пить, ни есть. Уйти бы отсюда и никогда не возвращаться.

Интриги и расследования

В общем-то Панин — белый лист бумаги, простой как двери, ни тебе заморочек, ни загадок. Единственное, что заинтересовало следственную группу — список дежурств, хранившийся в облаке.

Стажерка не знала паролей покойного начальника, тем не менее угадала с первого раза. Четыре единицы — таков незамысловатый пароль придумал Панин и Дорошев хлопнул себя по лбу, воскликнув: “Блин, конечно! Как я не догадался!”.

И казалось бы, что такого — ну хранит капитан в облаке список дежурств? Ничего из этого не следует, если бы не одно любопытное совпадение — даты дежурств совпадали с датами убийств молодых девушек.

Перегудов и Дорошев пространно переглянулись и попросили Валюшкину распечатать списки, покорно исполнив поручение, она бледная и обессиленная зажала ладошки между ног и клевала носом.

— Товарищ майор, я думаю на сегодня хватит? Отпустим стажера? — беспокоился о ней Максим.

Перегудов и сам видел болезненное состояние девушки и утвердительно кивнул.

— Идите стажер, лечитесь.

— Всё нормально, — проблеяла она. — Я в порядке и могу работать.

— Идите, — велел ей Перегудов. — Не хватало, чтобы вы здесь весь отдел заразили! Немедленно в постель, лейтенант Валюшкина. Это приказ!

Она не стала спорить и пошатываясь встала со стула, поплелась к выходу. Дорошев было заметался на месте, всё-таки неудобно одну ее больную отпускать.

— Майор, разрешите провести стажера хотя бы до остановки?

Перегудов ответить не успел:

— Спасибо, я сама дойду, — отказалась от помощи Валюшкина и покинула кабинет.

После обеда вернулась измученная, уставшая Астахова, терзаемая тысячей догадок и подозрений. Ее мучила недосказанность во всём, а в каждом мерещился предатель. Самое ужасное в этой истории то, что правда была где-то рядом, вот-вот протяни руку и схватишь ее за хвост. И полковница бесилась и злилась до внутренней истерики, впервые очутившись в тупике, впервые чувствуя себя полной дурой, не способной разглядеть такую простую на первый взгляд истину. Именно в этот момент она задумалась о своей собственной значимости и компетентности. Может зря занимает столь высокую должность, руководит отделом? Грош ей цена, если не сумеет в конце концов разобраться в этой странной и запутанной истории, а самое главное найти убийцу. Нет, Ларисе нисколько не жаль капитана Панина, хотя надо отметить, что смерть его жестока, и ни один разгильдяй подобной участи не заслуживает. Ей было жаль себя, родителей убитых девушек и отчего-то Перегудова. От мысли о нем, сердце внутри сжалось.

“При чем здесь Мишка?” — ругала сама себя, не понимая, каким образом мысль выринула в противоположную сторону.

В кабинете покойного капитана копошился в бумагах майор, Астахова было попятилась назад инстинктивно, боясь остаться с любовником наедине. Затем взяла себя в руки и прочистив горло спросила, как самая строгая начальница:

— Что удалось выяснить?

Перегудов отвлекся и посмотрел на нее из-под лба, хмуро и изучающе, так как умел, только он один. И под его пристальным взглядом строгая начальница почувствовала себя незащищенной, одинокой слабой женщиной, а не полковницей СК.

— Пока ничего, — прекратил он пытку и отвернулся.

— Неужели совсем ничего? — невозмутимый вид Перегудов злил ее.

— Есть несколько файлов с записями дежурств, где даты совпадают с датами убийств.

Всех дежуривших оперативников пригласили на завтра для беседы, сегодня уже поздно.

Астахова взглянула на часы, действительно, без четверти семь, рабочий день давно закончился.

— Ладно, — засуетилась она, страшась остаться наедине, — у меня с собой допрос свидетелей, надо еще раз внимательно изучить записи с камер наблюдения. Мы поедем с Дорошевым на место происшествия, а ты еще раз пересмотри записи, зафиксируй номера машин...

Он подошел к ней вплотную и заставил посмотреть в глаза.

— Лариса, ну сколько это будет продолжаться?

— Что именно?

— Бойкот?

— Я не понимаю о чем ты.

— Перестань, — голос его звучал мягко, но настойчиво. — Перестань корить себя. Мы же просто люди, мужчина и женщина...

— Так хватит, — остановила его Лариса, отгораживаясь ладонями. — Ничего не было.

По лицу мужчины проскользнула тень, он промычал “угу” и согласно кивнул, хотя думал совершенно иначе и не стал бы называть то, что между ними произошло “ничем”.

В кабинет влетел Дорошев, заставив их обоих отскочить друг от друга на добрых полметра. Сам же Максим удивился и осекся, начинал что-то понимать, брови поползли вверх.

— Максим Андреевич, хвалю вас за ваш трудоголизм, но сверхурочные оплачивать никто не будет. Почему вы еще не дома? — попыталась отшутиться Астахова.

— Дак я, — замялся он в поисках ответа вокруг себя, затем взглянул на угрюмого Перегудова, снова уткнувшегося в бумаги. — Я к майору.

Михаил отложил папку и снисходительно кивнул коллеге.

Максим попытался как можно деликатнее донести суть дела и искоса посматривал на Астахову, которая почему-то тоже не спешила домой.

— В общем, Михаил Алексеевич, выручайте.

— Что такое? — заинтриговал он майора.

— Завтра придет подруга убитой.

— Ага, значит та самая.

— Да, Маргарита Луныкина. И я как бы не могу ее допросить, понимаете?

— Не совсем.

Молодой капитан вновь покосился на начальницу, та делала вид, будто очень занята изучением всё той же злосчастной папки со стола Панина.

— Короче, я обещал ей перезвонить и не перезвонил. Теперь как-то неудобно.

— Понял, — на лице Перегудова даже мелькнуло что-то наподобие улыбки. — Но я завтра занят, нужно еще раз пересмотреть записи камер видеонаблюдения. Так что извини, Максим, придется тебе разговаривать со своей знакомой самому.

— Не переживайте, — успокоила казанову Астахова. — Я буду рядом, если что.

— Да, спасибо, успокоили, — обреченно произнес Дорошев.

Последние почести

“Ой, да на кого ж ты нас покинул?! Ой, да как же мы теперь без тебя сиротинушки?!” — в тот день никто во время погребения капитана так не кричал.

Вдова стояла у могилы со скорбной злостной миной на лице, не щадила своим пронзительным взглядом москвичей, откровенно обвиняя их в случившемся. Виновных найти — дело плевое, всегда кто-то под руку попадет. Надо добавить, что обладала Панина не только тяжелым взглядом, но и весом. Что впрочем неудивительно, именно такая женщина могла бы подойти покойному капитану — крупная, как говорится, баба с яйцами, чтобы на коротком поводке держала, а то сопьется.

Обнимая друг друга за плечи рядом с ней стояли два подростка, девочка — вылитая мать, если не больше в два раза и мальчик, с пустым выражением лица, изредка зевающий. Видимо не до конца осознал потерю, и это простительно, ссылаясь на всё еще юный возраст.

Брагин смахнул скупую слезу и подглядывая в шаргалку произнес прощальную речь, поверхностную и безликую, будто написанную на скорую руку с помощью интернета.

Соблюли все приличия церемонии и попрощались с погибшим при исполнении долга блюстителем закона и порядка, как всё-таки приписал ему Брагин. Медленно опустили гроб в свежую могилу и вдова первой бросила комок на крышку, за ней дети и полковник.

Москвичи держались поодаль и вместе, когда церемония закончилась Астахова подошла к семье усопшего, выразить соболезнования.

Панина процедила сквозь зубы сухое “спасибо” и забрав детей, ушла не оборачиваясь. Остальные двинулись за ней, кто по машинам, кто в специальный служебный автобус, чтобы помянуть весельчака Виталика в общественной столовой. Все знали — тот выпить страх, как любил. И вообще, человек он был неплохой, в конце концов пришли к выводу его коллеги. Малость честолюбивый интриган, но теперь это в прошлом. О мертвых либо хорошо, либо ничего. Во всяком случае, без Витали Панина в отделе будет скучно, уход таких ярких личностей всегда заметен.

Астахова кивком указала своим задержаться и не привлекая к себе внимания, покинуть кладбище. Не до поминок сейчас, а убийцу нужно искать по горячим следам.

Все трое вернулись в райотдел подавленные и удрученные. Пусть и не питая к недобросовестному капитану искренне хороших чувств, всё же похороны еще пару дней назад живого человека, знакомого им лично, процесс грустный, тоскливый и выматывающий.

— Сотрудников из списка Панина будем опрашивать мы с Михаилом Алексеевичем, — начала короткое совещание полковница. — А вы, Максим Андреевич, побеседуете еще раз с Лунякиной.

Услышав о предстоящей встрече, Максим обреченно вздохнул.

— Лариса Георгиевна, я считаю, что мне не надо встречаться с Лунякиной.

— Это еще почему? По-моему, вчера мы уже это обсудили.

Дорошев набрал в грудь побольше воздуха и попытался еще раз отмазаться от неприятной встречи с использованной им девушкой из клуба, которой так и не перезвонил. И казалось бы, что в этом такого? Но и ему самому трудно было объяснить, просто не хотел, чтобы она узнала, где работает недавний любовник, вдруг преследовать начнет, или закатит истерику. По ней же видно — рассчитывала на большее, чем одна незабываемая ночь. Он

еще тогда это понял, когда пытался расцепить ее крепкие объятия, чтобы сбежать в гостиницу.

— У нас с Лунякиной была связь, понимаете?

Перегудов кашлянул, давая понять, что разговор о личном неуместен.

— И что? — Астахова строго смотрела на подчиненного.

— Разве это не вредит следствию? Разве теперь я не заинтересованное лицо?

— Максим, прекратите нести чушь. Хороший следователь умеет превращать любые минусы в плюсы. Возможно ваша, как вы сказали связь, играет на руку и между вами с Лунякиной возникло доверие.

Закончить поучительную лекцию Астахова не смогла, в кабинет робко, как обычно бочком и не дыша, вошла бледная, как моль стажерка. Увидев за столом москвичей поначалу опешила и замерла на входе.

— Алена, как вы себя чувствуете? — спросил Дорошев.

Она пожевала губы и не смотря в глаза, ответила:

— Спасибо, хорошо.

— Что вы здесь делаете? Вы же на больничном?

— Мне уже гораздо лучше, спасибо.

— Интересный у вас грипп, Валюшкина, — не удержалась от комментария Астахова. — Всем бы так болеть — через пару дней, как штык на работе.

Кончики ушей стажерки порозовели и она промямлила:

— А у меня был не грипп. Я отравилась чем-то.

— Ладно, — в который раз вступился за нее Перегудов, как бы говоря своим “ладно” — чего пристали к девчонке, не видите, что несладко на свете живется бедняге.

Астахова прекрасно поняла его послание и прекратила бессмысленный допрос, вместо этого вдруг предложила Дорошеву:

— Максим Андреевич, раз вы так боитесь личной встречи с Лунякиной, возьмите с собой на беседу Валюшкину.

Он посмотрел на пытающуюся раствориться в воздухе стажерку, пригнувшуюся под тяжестью их взглядов к земле и на начальницу, которая говорила вполне серьезно.

— Алена, вы завтра сможете со мной присутствовать на разговоре с подружкой убитой Киреевой — Маргаритой Лунякиной?

Как будто у бедной овечки был выбор:

— Конечно, Максим, как скажите.

Бег на месте

Опрос дежуривших в дни убийств, абсолютно никак не прояснил ситуацию, а наоборот еще больше запутал.

Лариса Георгиевна не сдерживала раздражения и задав к ряду одни и те же вопросы, получила похожие между собой ответы: “Ничего не знаю, ничего не видел. Для чего Панину списки дежурств в ночи убийств — понятия не имею”.

— Прекрасно, — с легким сарказмом произнесла Астахова и отпустила оперативников на все четыре стороны: — Спасибо, свободны.

Перегудов тоже голову ломал и в сотый раз перепроверил алиби всех дежуривших: каждый из них находился всю ночь на виду, никто никуда не отлучался, спокойно ездил на вызовы или дремал в кабинете.

— Что за чертовщина? — не выдержал и он. — Зачем Панину эти списки?!

Астахова сжала пальцами переносицу, чувствуя как мозг буквально закипает.

— Жаль, у него спросить не получится, — сказала она в ответ то ли с сожалением, то ли с раздражением.

Михаил умолк, версий не было, ровно как и подозреваемых, следствие в очередном тупике, хотя это мягко сказано.

— Миша, мы что-то упустили, — отчаянно хваталась за соломинку Астахова.

Майор пожал плечами, но в очередной раз согласился с начальницей и в подавленном состоянии духа стал перебирать в сотый раз бумажки на столе. А вдруг завалилась та самая “иглочка в стог сена”, которую они всё ищут-ищут, а найти не могут.

Лариса Георгиевна равномерно считала квадратуру кабинета, вышагивая от стены к стене и подпирая подбородок пальцами.

Перегудов всё листал бумажки, бездумно всматриваясь в текст, как вдруг на одной из них задержал взгляд, его лохматые брови непроизвольно поползли вверх, и возможно Астахова обратила внимание на их шуршание, потому как остановилась и нетерпеливо спросила: “Что там?”.

Михаил прочистил горло и с покаянием, в оправдание сказал:

— Убийство Панина отвлекло нас от сути расследования.

— Что ты имеешь в виду, говори яснее!

— Разве ты не видишь: это ложный след. А у меня в руках зацепка, о которой мы напрочь позабыли.

Астахова не могла больше слушать загадки и терзаться догадками, выхватила бумажку из его рук. Быстро пробежав глазами по тексту, вдруг всё поняла.

— Какие мы растяпы, — она никогда не сможет простить себя за подобную халатность. — Как мы могли пропустить этот факс? Когда он пришел? — и тут же сама ответила. — Господи, два дня он лежал у тебя на столе.

— Хочешь верь, а хочешь нет, но я его не принимал, — Михаил, действительно, не знал, каким образом факс из отдела программирования оказался на письменном столе.

— Кто тогда?

— Очередная загадка.

Впрочем, имя сотрудника-разгильдяя уже не имело никакого значения. Самое главное, что спецгруппа наконец-то получила адрес человека, ведшего переписку со второй жертвой.

Перегудов и Астахова среагировали молниеносно, стали собирать опергруппу для задержания.

Дорошев интуитивно почувал приближение развязки и явился без команды.

— Максим, я вчера вам дала задание поговорить с Луняжиной, — напомнила ему Астахова. — Вы почему здесь?

— Лариса Гергиевна, ну пожалуйста, я там Валюшкину оставил, она все запишет.

— Ох, Максим, мне это ваше самоуправство не нравится, — Лариса Георгиевна всячески старалась казаться строгой, но в этот волнующий момент, когда вот-вот выяснится имя подозреваемого, спустила подчиненному с рук самоуправство.

Явился не запыхавшись Брагин, слухи в отделе распространялись со скоростью света и полковнику не терпелось присутствовать лично при задержании серийного убийцы.

— Я поеду с вами, — сказал он сходу.

— Товарищ полковник, в этом нет необходимости, — заверила его Астахова, не желающая делиться лаврами триумфатора. — Мы поедem с опергруппой на задержание и прекрасно справимся с заданием.

— Нет-нет, я поеду с вами. Вдруг преступник вооружен? Вам, кстати, удалось выяснить его личность?

Лариса Георгиевна едва сдерживала раздражение и закатив глаза, неохотно разъяснила навязчивому коллеге информацию по пунктам:

— Во-первых, он еще только подозреваемый. Причастность к преступлениям еще предстоит доказать. Во-вторых, у вас интернет работает со скоростью сухопутной черепахи, страница базы МВД зависла.

Все четверо уставились на экран монитора, где нервы им наматывало колесико загрузки. Дорошев в силу своего возраста, оказался самым нетерпеливым и грозился выкинуть старый компьютер в окно; Лариса Георгиевна невозмутимо ждала, как и Перегудов, обладающий ангельским терпением. Брагин забыл свои очки в кабинете (так спешил на задержание), поэтому придвинул лицо чуть ли не впритык. И когда наконец-то страница загрузилась, сощурившись, прочитал по слогам:

— Кол-ма-ков Олег Вла-ди-сла-во-вич, — и уже быстрее, но упавшим голосом закончил: — сотрудник Громовского райотдела полиции. Что?!

Этот вопрос “что” читался у каждого в глазах капсом.

Жестокая любовь

Районный отдел. Часом ранее

Чего только не сделает девушка, чтобы почувствовать свою значимость. На любые жертвы пойдет, будет терпеть унижения, а по ночам лить горькие слезы, на утро улыбаться, как ни в чем не бывало, лишь бы не оказаться брошенной, не остаться одной.

Вот и Алена прошлым летом пережила все муки ада, которые почему-то называла не иначе, как любовью. И сейчас, смотря на свидетельницу Лунякину, чувствовала ту самую женскую солидарность. Без слов видела в ней подругу по несчастью, узнав лихорадочный блеск в погасших глазах. А Рита действительно, в очередной раз влюбилась как дура. И когда в кабинет вошел Дорошев, изумилась и в то же время просияла от счастья. Правда, Максим в отличии от нее, встрече не обрадовался.

— Почему ты не говорил, что работаешь в полиции? — задала она резонный вопрос.

— Это было не важно, — ушел Максим от ответа и не давая шанса опомниться, начал беседу: — Маргарита, нужно, чтобы ты повторила сейчас всё, что рассказала мне в клубе, про знакомого Карины из интернета.

— Перезвонил хотя бы, предупредил.

Рита скисла окончательно.

— Извини, много работы. Давай в следующий раз об этом поговорим.

Все в этой комнате: и Дорошев, и Рита, и Алена понимали, что следующего раза никогда не будет и никто никому не перезвонит. Максим получил то, что хотел и слился.

Ему самому этот разговор был крайне неприятен и бесполезен. Поэтому капитан Дорошев наклонился к стажерке и включив свое дьявольское обаяние, обратился с просьбой:

— Алена, пожалуйста, закончите за меня разговор и внесите в протокол. А мне надо срочно отлучиться по одному важному делу.

У Алёны всё внутри оборвалось, именно так на нее смотрел Колмаков, с таким же завораживающим взглядом, точь-в-точь, от того в сердце больно кольнуло. Она сдержанно кивнула. Максим в знак благодарности, провел нежно рукой по плечу.

— Лейтенант Валюшкина, запишет все показания, — обратился он уже к свидетельнице и лицемерно в конце добавил: — Приятно было повидаться.

— Мудак, — едва слышно прошептала Рита, когда он вышел из кабинета. Заметив жалостливый взгляд Валюшкиной, удивилась. Жалость — последнее в чем нуждалась Маргарита. И горделиво вскинув подбородок, просверлила ответным взглядом — ты смотри сама мышь серая, а туда же.

Стажерка потупилась, она всегда терялась в компании таких ярких, хотя и недалеких личностей, как Маргарита.

— Давайте как-то побыстрее, — наглена свидетельница, осознав своё превосходство.

Валюшкина задала ей несколько вопросов, в общем-то, надобности в коих и не было, одна чистая формальность, и отпустила ее.

Одиночество, буквально, душило, давило своей безграничностью. И сдерживать слезы не вмоготу, Алена тихо плакала в кабинете. Слезы ручьем капали на стол и оставляли после себя влажные кляксы. Да уж, любовь жестока и необъяснима.

Прошное лето могло стать последним в жизни ничем не примечательной стажерки Валюшкиной. Ее безответная любовь к Олегу стала единственным смыслом жизни и

заполнила собой всё её бездарное существование. Она наконец-то почувствовала свою значимость и безоговорочно верила лжецу, когда тот нежно прятал волосы за ушко и шептал: “Ты особенная”.

Она приезжала к нему по первому зову и проводила самые счастливые ночи на старом скрипучем диване. Просыпаясь в его объятиях, смотрела как солнечные зайчики играют на его спине и просила мироздание, чтобы это длилось вечно.

Но увы, у всего есть конец. Любовь капитана Колмакова быстротечна, уже через пару недель он перестал отвечать на звонки и сообщения. Алёна места себе не находила, и это в прямом смысле. Готовая на стену лезть от тоски. Мать, как обычно, была занята житейскими проблемами и не замечала состояния дочери. А та медленно сходила с ума и караулила Олега под окнами каждую ночь.

Однажды он вернулся пьяный и не один, с какой-то женщиной. Алёна выглядела жалкой и разбитой, вышла из тени и заглянула в его пустые глаза с мольбой.

— О, Овечка, а ты чего здесь ошиваешься? — спросил навеселе Колмаков, циничный настолько, что даже не попытался оправдаться, и в открытую смеялся над чувствами бедной девушки.

Они прошли мимо, захлопнув перед лицом почерневшей Алёны железную дверь, а их отвратительный смех еще долго отдавался эхом.

Жить больше не хотелось. Не видя перед собой ничего, она прибежала к заброшке возле дома, поднялась на самый верх и стоя на краю, мысленно прощалась с жизнью.

Она не спрыгнула, духа не хватило, слишком страшно. Но после этого момента её любовь медленно трансформировалась во что-то мерзкое и черное как слизь.

Горечь и обида заставляли каждый вечер дежурить под его окнами, ходить за ним по пятам и люто ненавидеть всех тех, к кому он прикасался и наверное, так же нежно шептал на ушко: “Ты особенная”.

Она его любила и сейчас бы всё отдала, чтобы просто обнять...

“...но для этого придется тело раскопать”.

(строчка из песни “Плак-плак” IC3PEAK)

Ночные приключения

Вторые сутки на пустыре маячил и манил к себе серебристый ланос. Влад Павлов, по прозвищу Петруха, давно присматривался к бесхозному авто, оставленному кем-то бестолковым рядом с заброшенной недостроенной многоэтажкой.

Этим поздним вечером он всё-таки не выдержал и позвал пацанов на внеплановое совещание: “Короче, стоит тачка пустая. Я крутился часа два, никто не подошел и не пикнуло”.

Некоторые боялись рисковать: чья машина, почему стоит — кто знает? В общем, дело папахивало неприятными последствиями. А самые отчаянные: Костя Винт и Назар охотно согласились разведать обстановку и в случае удачи — вскрыть бесхозное авто. Проверить, так сказать, на наличие полезностей и ценных вещей. А если внутри ничего не обнаружат, то сгодятся и колеса.

Ребята дождались поздней ночи, а эта выдалась на удивление темной, что на руку воришкам.

Как и говорил Петруха, сигнализация не сработала. Назара поставили на карауле, а сами пытались открыть замок рулеткой, посмотревшись видеороликов в интернете. Получалось плохо, только рулетку сломали, а замок так и не смогли.

— Ну ее в баню! — махнул на машину Петруха. — Давай колеса снимем и хватит.

Костя Винт согласился с предложением подельника. Хорошо, что сумел незаметно от отца взять из гаража необходимые инструменты.

Здесь уже работа спорилась, оба аж вспотели от усилий, когда вдруг со спины послышались шаги.

— Пацаны, долго еще? — спросил нетерпеливо Назар.

Оба одновременно выдохнули.

— Ты дебил?! — наехал на него Винт. — Мы тебе где сказали стоять?

— Надоело, я задубел, — жаловался подросток, ног не чувствуя от холода.

— Вали давай в заброшку, оттуда смотри, чтоб не шел никто.

— Да кто здесь будет ходить в два часа ночи?

— Вали, я тебе сказал! — пригрозил ему ломиком Петруха, сожалея, что взял этого сопляка на столь серьезное дело.

Назар обиженно высморкался, сам не радый, что поперся с ними. Но теперь поздно на попятную, придется до конца оставаться. Обидно уйти сейчас и потом не получить ни копейки за свой труд.

Температура всё падала, от холода пар валил изо рта. Винт и Петруха возились с колёсами, с огромными усилиями сумев открутить покамест одно.

Назар смотрел на них и ненавидел, до чего тупые и зачем только связался. Плюнул и пошел в заброшку, в надежде укрыться от осенней промозглой ночи.

— Сами вы дебилы, — вполголоса ругал их парень, когда отошел подальше.

Все местные знали, где порвано ограждение и спокойно заходили внутрь. Брать там было нечего, остались одни лишь бетонные блоки и арматура под ними. Семиэтажное здание насквозь продувалось всеми ветрами и прятаться здесь от холода — не самая лучшая идея.

Но возвращаться на пустырь Назару не хотелось. Он зашел внутрь и подумал о том, что

дом получился бы хороший, зря заморозили проект, уже до седьмого этажа достроили и даже лестницу начали.

Спасаясь от скуки подросток достал наушники и включил какой-то трек, просто чтобы чем-то отвлечься, а спать хотелось ужасно, глаза слипались. Он решил ходить по кругу и бросать в кусты мелкие камни, тем самым срывая злость. Носком ботинка долбал местами крошившийся цемент и собрав целую горсть камушков, вышел на западное крыло. Из бетонного пола торчали куски арматуры, а между ними чернело что-то подозрительно похожее на человеческое тело.

Назар присмотрелся, дрожащей рукой достал телефон из кармана и включил фонарик. Камушки так и посыпались. Среди железных прутьев распластался мужик и судя по расплывшемуся пятну крови под ним — мертвый.

Назар, вне себе от ужаса, выскочил из заброшки и заорал, что есть мочи:

— Пацаны, пацаны, там жмурик!

Винт выронил ломик прямо на ногу Петрухе, тот запрыгал и завыл. Гопник испуганно попятился и дал деру, не выдержав накала страстей.

Оставшиеся вдвоем Назар и Петруха с опаской осмотрелись, боль в ноге понемногу унималась, благодаря бешеному выбросу адреналина.

— Ты что несешь? — примерно так спросил Петруха, если убрать нецензурную брань.

— Мужик лежит весь в крови! Идем, покажу! — потянул его за собой парень.

Влад не горел желанием рассматривать трупы на заброшке и сомневался: идти или нет.

Затем подумав, пошел следом глянуть одним глазком. А может сопляку померещилось?

К его же разочарованию — нет. На указанном месте Назаром, действительно, лежало тело мужчины, не шелохнулось, когда Петруха ткнул ему в бок палкой. Однозначно жмурик, как и говорил сопляк.

Дрожащими пальцами парень пощупал карманы мертвеца, в заднем кармане джинс нашел бумажник, а в левом куртки — телефон и зажигалку. Жаль кожаная куртка вся в кровь, а то бы тоже снял.

— Ты что делаешь? — изумленно спросил Назар.

— Заткнись, — процедил сквозь зубы воришка и тут же выругался, достав удостоверение сотрудника полиции из внутреннего кармана куртки мертвого мужчины.

Петруха в панике попятился, отбросил удостоверение и стуча зубами пригрозил:

— Скажешь про труп — прибью.

Для пущевого эффекта схватил Назара за воротник и притянул к себе.

— Ты меня понял?

— Понял, — испуганно прошептал подросток, желающий лишь одного — убраться отсюда подальше.

“Вот хоть режьте, хоть бейте, — кричал всю дорогу полковник Брагин, — а не поверю, что Колмаков убийца!”

И он находил порой столь нелепые доводы в пользу своего подчиненного, что Астаховой приходилось просить его умолкнуть и “не пороть чушь собачью”. Так, к примеру, исходя из рассуждений Брагин, Колмаков был дурак-дураком, бабник обыкновенный.

— Весь отдел перетрахал, — продолжал он, несмотря на просьбы Астаховой заткнуться. — Говорят и овечку и ту соблазнил, альфа-самец недоделанный!

Тут уже Перегудов не выдержал и предупреждающе прочистил горло, сдвинув брови к переносице.

— Послушайте, — доказывал Брагин, игнорируя их недовольные лица, — Олег — не убийца!

— Что же по-вашему, — повернулась к нему Астахова, которая ехала на переднем сидении служебного авто, — если человек, как вы выразились, дурак и бабник, то серийным убийцей быть не может?

Полковник вытер испарину со лба, распалившийся до предела и утвердительно кивнул.

— Да какой из него серийник, лентяй он! Да он только и способен, что девок портить! Говорю вам! Лишь бы присунуть кому и покутить!

Астахову передернуло от раздражения и чтобы прекратить трёп полковника, она позвонила Дорошеву, который должен был получить сводку из дорожной полиции о передвижениях подозреваемого капитана.

Говорили они недолго, закончив разговор, Лариса Георгиевна вновь повернулась и сообщила:

— По сведениям ДПС, Колмаков на автомобиле город не покидал.

Приехали они к дому капитана особо ни на что не рассчитывая, уже знали, что Колмаков недавно получил отпуск и по слухам собирался в далекий Сургут. Понятно, что скорее всего он туда не поехал, но все же запрос в местное РУВД отправили. От обыска тоже ничего не ждали, навряд ли подозреваемый хранил что-либо имеющее ценность для следствия в своей однокомнатной квартире. В общем-то так и вышло, осмотрелись, собрали вещи для ДНК, заглянули в мусор, щели. В каморке нашли склад пустых бутылок. Пил Олег в последнее время очень много и ничего не ел. В холодильнике, кроме майонеза, съедобных продуктов питания не было. Убирался он тоже бог знает когда в последний раз: кругом паутина, клубы пыли и банки с окурками.

Брагин, во время обыска, сокрушенно причмокивал языком и выглядел крайне потеряннным. Группе СК даже жаль его стало, после всплывших фактов спокойно досиживать в кресле до пенсии не получится.

Он сам это знал, поэтому и сокрушался. Оказывается найти в пустой могиле с проломленной башкой одного бывшего подчиненного недостаточно; судьба выкинула фортель покруче — теперь его другой подчиненный стал главным подозреваемым.

— Вот те раз, вот те два...

Колмакова объявили в розыск и группа СК продолжила работу в отделе. Валюшкина тихо сидела за компьютером и просматривала сводки. Перегудов отчего-то задержал на ней взгляд, она ощутила это и вздрогнула. Он продолжал изучать ее и казалось, думал о своем.

Стажерка знала, что он смотрит, но не смела глянуть в ответ, когда вдруг позвонил дежурный. Ответила Астахова, все остальные замерли.

— Нашли Колмакова, — наконец-то объявила она, — поехали.

Дорошев было взбодрился, а потом в непонятках спросил:

— А почему его сюда не привезут?

Лариса Георгиевна печально пояснила:

— Его разве что теперь только в морг привезут.

На улице поздний вечер, расстелился по городу осенний туман и проглотил спящих туда-сюда людишек. И ничто не могло в тот вечер одолеть его, даже свет от фар не рассеивал.

Тело Колмакова осмотрели, неподалеку нашли удостоверение и машину, отчего-то одно колесо снято.

— Кто сообщил? — поинтересовался Дорошев.

— Родители мальчика, он живет здесь недалеко. Вернулся прошлой ночью сам не свой, долго не признавался, что труп обнаружил. Всё-таки они сумели его разговорить и сразу позвонили в полицию. Кстати, надо будет с мальчиком побеседовать, — непринужденно дала команду Астахова.

Максим посмотрел на замершие в тумане многоэтажки, едва различимые в сумраке.

— А я здесь был уже, — вспомнил он это мрачное место.

И это не имело никакого значения, но все же Дорошев продолжил.

— Здесь живет Алена.

— Стажерка? — подключился к разговору Перегудов.

— Да, — Максим указал на дом. — Вон там, на восьмом этаже.

Лариса Георгиевна лишь пожала плечами, продолжая осматривать пустырь. А Перегудов свел брови воедино и стал задумчивее прежнего, глянуть страшно — вся вековая печаль и скорбь в его лице.

— Я кое-что нашел! — крикнул молодой оперативник.

Посередине пустыря черным пятном выделялось пепелище, в его центре белели остатки, не сложно догадаться чьи и без экспертизы.

Обычные люди терялись под суровым взглядом генерала. Стоило ему лишь обратить свой взор на подчиненного, у бедняги от страха коленки подкашивались и пульс учащался. Всё это срабатывало на всех, кроме Астаховой. У нее явно выработался иммунитет от суровых взглядов.

— Лариса Георгиевна, я вас лично вызвал в Москву, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, крайне, вам скажу, неприятную.

“Да уж, приятного мало”, — хотела ответить полковница, не слишком довольная тем, что пришлось поспешно оставить следствие и выехать в столицу для личной встречи. Видите ли, Родион Михайлович, желал лицезреть ее воочию и требовал отчет о проделанной работе.

Он поднялся и важно зашагал по кабинету, заломив руки за спину.

— Лариса Георгиевна, некоторые из руководства предлагают прекратить расследование, так как не видят в дальнейшем никакого смысла.

— Но... — попыталась возразить Астахова и генерал предупреждающе поднял указательный палец.

— Я продолжу, а потом выслушаю ваши возражения.

Она тактично кивнула, уже в уме приготовив целую тираду.

— Убийца мертв, — озвучил общеизвестный факт генерал, — как показало следствие, Колмаков и был тем самым серийным убийцей. Есть переписка со второй жертвой, есть видео с камер наблюдения, где все-таки можно опознать его; самое главное — это кровь Панина на одежде. И то что Колмаков пытался замести следы преступления, выкопав тело убитой им Киреевой, тоже факт. Он испугался, Панин подозревал его и следил, возможно пытался задержать, поймав на месте преступления. За что и получил железным лотком лопаты по голове. Колмаков отвез тело на пустырь и сжег вместе с орудием преступления. После осознал содеянное, понял, что бежать некуда и покончил собой, спрыгнув на обломки арматуры. Поэтому предлагаю поставить жирную точку в деле громовского серийного убийцы и оставшуюся формальную работу передать Брагину. Как вы считаете?

— Вы правы, доказательств против Колмакова уйма. Здесь я согласна, но есть одно противоречие, которое не дает мне покоя. В его самоубийстве нет совершенно никакой логики. Зачем ему заметать следы, убивать Панина, сжигать тело Киреевой, а потом убивать себя?

— Этого мы никогда не узнаем.

— А я всё-таки хотела бы это узнать.

— Лариса Гергиевна, какой в этом смысл? Убийца самоликвидировался, оставив после себя уйму доказательств. Вам больше незачем возвращаться в Москву, вызывайте свою группу и приступайте к новому расследованию. В Ворошиловском районе произошло несколько странных смертей.

Астахова задумчиво глядела вдаль, ее интуиция подсказывала, что не все так однозначно в деле Колмакова. Перегудов тоже не спешил заканчивать расследование. Один лишь Дорошев, в силу своей неопытности и молодости, преждевременно радовался.

— Родион Михайлович, позвольте вернуться в Громово и продолжить расследование смерти Колмакова. Что, если ему кто-то помог совершить прыжок вниз?

— Тогда скажите спасибо этому человеку. Он избавил мир от очередного выродка.

Лариса Георгиевна придерживалась иного мнения: какие бы ни были мотивы преступления, преступник должен понести справедливое наказание.

Генерал понял, что потерпел фиаско и не сумел Астахову убедить оставить дело Колмакова. Она слишком упряма и правильна.

— Даю вам ровно неделю, — пошел на уступки генерал. — Если не обнаружите доказательств причастности третьего лица к смерти Колмакова — закрываете дело.

— Так точно, товарищ генерал, — сказала полковница вместо благодарностей и покинула кабинет.

Вроде и полегчало местным, после того, как объявили, что подозреваемый мертв, все как-то притихли, перестали обсуждать череду убийств, личность убийцы, обстоятельства смерти. Как будто потеряли интерес к этой истории, а скорее всего просто устали. Саму же новость полоскали тут и там по телевидению, интернет кишел изошренными подробностями и небылицами. А Колмакова называли недоделанным Чикатилой, хотя многие из знакомых до сих пор не верили в то, что любвеобильный Олег оказался тем самым маньяком. Всё это продолжало выглядеть странным и будто притянутым за уши. И Перегудов начинал поддаваться сомнениям, так же как и Лариса. Дорошев злился, не понимая, почему еще дело не закрыли. Ему до ужаса надоело протухшее захолустье и тянуло в столицу.

— Когда уже наша командировка подойдет к концу? — задал он вопрос коллеге во время обеда в столовой.

Михаил хлебал гречневый суп и невнятно пожал плечами, мол, кто его знает.

— Не помешаю? — подошел к ним Брагин с подносом, хотя обычно обедал в кафешке за углом.

Москвичи гостеприимно предложили присоединиться и полковник сел напротив, расплескав из тарелки суп. Вид у него был болезненный, что мягко сказано, под глазами мешки от недосыпа и усталости. Несладко ему пришлось в последние несколько дней, сплошные отчеты и оправдания, выговор за выговором, а вчера генерал внятно и четко намекнул об уходе на пенсию после закрытия дела громовского серийного убийцы. К тому же, руководство требовало поставить вместо теперь уже двух убитых капитанов, хотя бы одного нового. И кем заполнить прореху в списке кадров — Брагин тоже не знал, вообще-то и поделился переживаниями с коллегами.

— Совершенно нечем заменить Панина. Ладно Колмаков, всё равно бестолковый был. А вот Панин, царство небесное, очень деятельный, отдел возглавлял, других учил.

— А почему вы не хотите его ученицу в звании повысить? — удивленно спросил Перегудов, зная, что стажерка уже давно засиделась в стажерах.

— Вы о ком? — искренне не понимал Брагин.

— Я о Валюшкиной.

— А кто это?

Михаил и Максим обменялись ироничными взглядами, последний в полголоса пояснил:

— У вас тут ее Овечкой называют. А она между прочим, неглупа и ответственная. Почему бы вам ее на место Панина не посадить?

— Ааа, — протянул полковник, — вы об этой, — показал он что-то невыразительное руками. — Она, кстати, последнюю неделю дорабатывает, сама заявление на расчет подала.

Перегудов и Дорошев снова переглянулись, в этот раз недоуменно.

— Мы не слышали об этом.

Валюшкина вела себя как и прежде, ниже травы тише воды, бесконечно что-то печатала

и не разговаривала. В общем, привычнее привычного, словно мебель.

— Да, — печально подтвердил Брагин. — А вот следователя позарез не хватает.

— Вы не беспокойтесь, кого-нибудь пришлют, — ободрил его Перегудов.

— Кого-нибудь, — грустно отозвалось эхом. Полковник почти плакал, скоро и на его место кого-нибудь пришлют.

Следователи закончили обед и спешили приступить к работе. На сегодня назначили беседу с родителями Колмакова, которые жили в деревне на окраине области. По дороге Перегудов внезапно остановился и спросил:

— Как тебе Алёна?

— В смысле? — не понял вопроса Дорошев.

— Я имею в виду, как человек. Как бы ты ее охарактеризовал?

— Эээ, — Максим не сразу смог ответить на столь странный вопрос. С чего вдруг “старпёра” Перегудова заинтересовала молодая невзрачная стажерка, если он крутит шашни с красивой, уверенной в себе начальницей. — Не знаю, не в моем вкусе, слишком зажатая, блеклая, некрасивая.

Михаил хмыкнул и уточнил свой вопрос:

— Я имел в виду психологический портрет, а не твою субъективную оценку внешних данных.

— Так бы сразу и сказал, — Дорошеву нравилось, что старший по званию интересуется его мнением, поэтому он со всей серьезностью заявил: — Прирожденная жертва.

— А как думаешь, жертва может стать охотником?

Максим напруг извилины и со стопроцентной уверенностью заявил:

— В данном случае нет.

— Почему? — странно, но Перегудов не унимался со своими каверзными вопросами.

— Про таких как Валюшкина говорят — безхребетная. Мне лично больше нравится — безобидная. Думаю, она и мухи не обидит.

— Ну, мухи может-быть и нет, — пространно ответил майор, на этом закончив разговор.

На беседу с родителями подозреваемого он зачем-то позвал с собой стажерку.

— Алена, нужна будет ваша помощь для ведения протокола.

Она оторвала свои кроткие очи от монитора и покорно ответила: “Да, конечно”.

Плач Алёнушки

Сложно объяснить родителям убийцы, почему их кровинушку считают убийцей. Для них дитя навсегда останется дитём, чтобы о нём не говорили. И Родители Колмакова не исключение, мать не верила, отец помалкивал. Вопросы в основном задавал Перегудов, потому как Дорошев особо тактичностью не отличался, мог ляпнуть что-нибудь едкое и завершить тем самым беседу.

— Я понимаю, вам сложно, но и вы нас поймите.

Колмакова отрицательно качала головой, не желая принимать доказательства вины сына за чистую монету и все время повторяла, что сыночку подставили.

— И вы нас поймите, — подключился к разговору отец, — Олежик...

Он горько вздохнул, видимо тяжело было говорить о сыне в прошедшем времени.

— Он был хороший, ну гуляка, выпить любил, но в жизни ни одной девчонки не обидел.

Мать всхлипывала и поддакивала.

— Всё верно, хороший мальчик, — женщина не выдержала, разрыдалась.

Перегудов наполнил стакан водой и подал ей, она сделала маленький глоток и вроде успокоилась, взгляд стал туманным, отсутствующим, будто мозг включил безопасный режим, не давая окончательно свихнуться от горя.

— Вы знаете, — начала Колмакова, смотря куда-то вдаль, — девчонки его тоже любили. Еще со школьных лет бегали за ним, он же у нас красивый мальчик, голубоглазый, высокий, спортивный, капитан футбольной команды.

— Елизавета Григорьевна, давайте ближе к сути, — всё-таки ляпнул невпопад Дорошев, за что тут же получил осуждающий косой взгляд коллеги.

— Елизавета Григорьевна, продолжайте, — вежливо попросил ее Перегудов.

Она продолжила:

— Я ему говорила: Олежа, жениться тебе надо, смотри на девушек хороших, порядочных. Надо такую чтобы семейный уют создать могла, детей хороших воспитала. А он все отшучивался, легкодоступных выбирал и напевал. Может помните, песня такая: “Не женюсь, я не женюсь, ой мама не женюсь”...?

Дорошев молчал, воздерживаясь от комментариев, ему вообще разговор с родителями казался пустой тратой времени, как и последующее пребывание в этом городишке. Перегудов буркнул что-то невнятное, стараясь поддержать беседу.

В дальнем углу Валюшкина уронила ручку, белая, как полотно, испуганная, словно призрака увидела.

— Алена, с вами все в порядке? — поинтересовался Максим, переживая, как бы та не грохнулась в обморок сию минуту.

— Извините, — едва слышно прошептала она в ответ и уткнулась в бумаги.

Перегудов осторожно взглянул на Колмакову и женщина продолжила рассказ, вспоминала смешные истории из детства сына, говорила, что всё время за ним скучала, навещал их редко, бывало на звонки не отвечал.

— Мой мальчик не убийца, это я вам точно говорю. Уж поверьте материнскому сердцу, оно не обманет.

— Ну такой себе довод, — опять съязвил Дорошев.

На этот раз Михаил проигнорировал едкость коллеги и пояснил родителям:

— Сейчас не идет речь о вине вашего сына. Мы хотим разобраться в обстоятельствах его смерти.

— Не мог он сам прыгнуть, — в один голос сказали родители.

— Почему вы в этом уверены?

— Я знаю — не мог, — стояла на своем мать.

То что Колмаков редко звонил родителям, а приезжал и того реже, Перегудов уже знал. Смысла мучить родителей дальнейшими расспросами не было, они толком ничего не знали и конечно же, защищали опороченное имя сына, как могли.

Майор поблагодарил их за визит и принес свои соболезнования.

— Когда нам отдадут тело Олежика? — этот вопрос волновал мать более всего.

— В ближайшее время, — заверил ее Перегудов, зная, что ближайшее время понятие растяжимое, но расстраивать и без того убитых горем родителей не стал.

Дознавательная беседа завершилась, Валюшкина дала протокол для ознакомления, все участники подписали, не читая.

Колмаковы уехали; Дорошев еще что-то заполнял в отчетах, а Перегудов вышел покурить. Курилка находилась на лестничном пролете, этажом ниже, рядом с женским туалетом. Свет горел только на верхнем этаже, внизу находилась канцелярия, рабочий день коей окончился. Он подпер стену в темном углу, между дверью и окном, достал сигарету. Бледной тенью мимо проскочила стажерка, не заметив его, скрылась в туалете. Перегудов не спешил чиркать зажигалкой, зачем-то, сам не зная зачем, прислушался: она плакала. Хотя и не назвать это плачем, скорее стенала, что-то среднее между стоном и плачем, так обычно страдают сумасшедшие, люди, не знающие, как еще выразить разъедающую изнутри боль. Жуткими казались обрывистые стоны, полные тоски и поглощающей печали. Михаил убрал сигарету и тихо ушел, мрачный и встревоженный.

Тот, кто знает правду

Дни становились короче и это заметно ощущалось, ночи длиннее и от того тоскливее. К тому же, погода подходящая, осенняя. Всё небо затянуло свинцовыми тяжелыми тучами, ветер продувал до костей, казалось вот-вот посыпятся льдинки, что совсем не похоже на конец октября.

Астахова вернулась из столицы в приподнятом настроении и объявила коллегам:

— У меня для вас новость. На мой взгляд хорошая, а вот скорее всего для Максима плохая.

Дорошев сразу догадался, что командировку продлили и даже не стал скрывать разочарования.

— Максим, прекратите, — сделала ему замечание Лариса Георгиевна, привыкшая к веселому нраву коллеги. — Это не профессионально с вашей стороны, возьмите себя в руки и прекратите унывать.

— Слушаюсь, Лариса Георгиевна, — не без иронии ответил ей Дорошев и включил режим автопилота, потому как давно уже потерял интерес к делу Колмакова.

— У нас есть неделя. Я считаю, что этого времени вполне достаточно, чтобы разъяснить оставшиеся неразрешенными два вопроса: первый это — смерть Колмакова, а второй — мотивы.

Перегудов согласно кивнул, он в отличии от молодого капитана, напротив загорелся делом громовского серийного убийцы с еще большим энтузиазмом, чем в самом начале их расследования.

— Мы проверили все контакты жертв и подозреваемого — между жертвами никакой связи, они не были знакомы между собой. Поэтому мотив похоже один — никакого смысла в совершенных преступлениях.

— И меня это тревожит, — Астахова нарисовала схему, прикрепив в центр портрет Колмакова. — Есть три основных мотива: месть, ревность и личный. Я бы склонялась к третьему, пока неясному. Возможно, Колмаков убил их из-за психологических патологий. То есть, действительно был психом.

— Жертвы между собой не связаны, — напомнил Максим. — Это похоже на поведение серийника.

— А вот с Паниным всё более менее ясно, — прикрепил она рядом портрет покойного капитана. — В том, что его убил Колмаков — никаких сомнений и мотив однозначный — скрыть свою причастность к убийству Карины Киреевой.

— Колмаков мог убивать женщин из ненависти и мести, — озвучил свою версию Дорошев.

— Вполне вероятно, — согласилась с ним Астахова. — Первую убил в состоянии аффекта, что объясняет орудие убийства, дальше — вошел во вкус.

— Верно, — Максиму нравилась эта версия и хотелось поскорее закончить. — С третьей жертвой не успел совершить половой контакт — кто-то помешал. Как только мы приехали, жертвы прекратились, потому что испугался. Когда понял, что мы вышли на его след, в панике выкопал тело Киреевой, его застал Панин. Колмакову пришлось убрать свидетеля. А потом в панике покончить с собой.

— Вот здесь я не соглашусь, — возразила Лариса Георгиевна. — Столько времени он

держался, практически, у нас на виду, продолжал работать в полиции. Вы только представьте насколько циничный, эгоистичный, себялюбивый, а такие ни за что не смогут причинить себе вред. А ты что скажешь, Миша?

Всё это время молчавший Перегудов наконец-то отвлекся от изучения материалов дела, а именно биллинга звонков подозреваемого и устало взглянул на нарисованную Астаховой схему. Он отложил бумаги и таинственно поведал о своих предположениях:

— Я думаю, есть еще один важный свидетель, мы с самого начала шли в ложном направлении, потому что игнорировали существование человека, способного ответить на многие вопросы.

— Ты о ком? — удивилась Астахова, понятия не имея о ком речь, а ей не нравилось выглядеть глупой, ей хотелось всегда быть умнее всех. — Михаил Алексеевич, вы не могли бы озвучивать предположения конкретнее?

Но Перегудов плевал на задетое самолюбие полковницы, в первую очередь он оставался человеком, к сожалению, обычным без сверхспособности повернуть время вспять. А если бы мог, то обязательно бы изменил последующую цепочку событий, приведшую к необратимым последствиям.

— Я сейчас всё объясню, пусть пока допросную подготовят, — сказал он коллегам. — Ночь предстоит длинная.

Темные кабинеты районного отдела внутренних дел опустели, многие закончили свой трудовой день и спешили в переполненных трамваях и маршрутках домой, к семье, детям, телевизору, кто-то не радостно предвкушал вечер у плиты, тем не менее умиротворенно и даже в какой-то степени счастливо принимая жизнь такой, какая она есть.

Тишина воцарилась в длинных, плохо освещенных коридорах и шаги Дорошева отдавали эхом по всем этажам.

Он успел как раз вовремя, Валюшкина закончила свой обычный ритуал проверки штекеров и розеток и достала ключ.

— Максим, вы еще не ушли? — удивилась она, хотя прекрасно видела капитана перед собой.

— Алена, нужна ваша помощь.

— А что случилось?

— У нас появился важный свидетель, нужно вести протокол допроса. Поможите?

Разве она хотя бы когда-нибудь кому-нибудь отказывала?

— Да, разумеется, — замялась стажерка у двери. — Закрывать?

— Оставьте пока, — вяло махнул рукой Максим.

Она покорно следовала за ним, как бедная овечка на заклание. По дороге не встретили ни одной живой души, похоже в этом мрачном здании никто не желал задерживаться надолго. Кроме Астаховой и Перегудова, те сидели в допросной и ждали не пойми чего или кого. Максим зашел и пропустил вперед Валюшкину. Она направилась на свое рабочее место. Вдруг Перегудов остановил ее.

— Алена, сядьте, пожалуйста, напротив, — указал он на стул, место для подозреваемых.

Стажерка потупила глаза в пол и молча села, помрачнело лицо, втянула шею в плечи, будто приготовилась послушно принимать избиение. Но она точно понимала и осознавала происходящее, готовая так же покорно принять свою судьбу и наказание.

— Алена, где вы были в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое? — это была та самая ночь, когда Колмаков разбился насмерть.

Она подняла глаза, в них дрожали слезы. Ночь действительно, предстояла длинная, то что громоздилось в душе, рвалось наружу. Пришло время рассказать правду.

Обида, сожравшая душу

Зачем он так делал? Пропадал и возвращался обратно, проходил мимо на работе, будто и не замечал, равнодушный и холодный, словно айсберг.

У Алены буря в душе, менялась затишьем, но никогда это затишье не выглядело столь зловещим, как в ту трижды проклятую ночь.

Она бродила тенью, мать, погруженная в себя, не замечала психического состояния дочери, граничащего с безумием. Иногда лишь напоминала: “Ты поешь, а то совсем исхудала, одни кости торчат”.

Алена не могла ни есть, ни пить, мучилась бессонницей и все время думала об Олеге. Зачем он так с ней? Почему? Она любила его больше жизни, никогда и ни с кем ей не было так хорошо, словно нашла себя. Но Олег просил оставить его в покое и не преследовать.

Разве она могла? Алена слишком глубоко погрязла в огромном и бездонном болоте под названием любовь.

Поздно вечером, ближе к одиннадцати пришло сообщение. Алена уже легла, но тут же вскочила и дрожащей рукой взяла телефон.

“Не спишь?” — спрашивал Олег, в конце добавив смайлик.

“Нет, а что?” — отправила она и с нетерпением ждала ответа.

Спустя пару минут он снова написал: “Хочешь — приходи ко мне”.

Она безумно хотела, лишь бы увидеть, снова обнять, ощутить на своих губах вкус его поцелуя. Алена, не думая, собралась, мать крикнула из спальни:

— Куда на ночь глядя?

— Не спится, пойду прогуляюсь.

Мать не стала приставать с расспросами, с постели подниматься сил не было.

Глупая овечка вызвала такси, так спешила к любимому. По дороге спросила: “Что-то взять?”. Иногда он просил привезти пару литров пива или бутылку водки. В этот раз ничего не ответил, молчал. Сообщение прочитал, но вопрос проигнорировал.

Алена быстро расплатилась без сдачи, таксисту сегодня повезло. Подошла к домофону и набрала номер квартиры Олега. В ответ — тишина. Она звонила в домофон, на телефон — бесполезно.

Он снова обманул ее, использовал. Сколько это будет продолжаться?

Алена хваталась за голову, рвала на себе волосы от отчаяния и обиды. Как могла она ему поверить и приехать? Для чего? Чтобы постоять под окнами пустой квартиры? А он в это время где-то развлекается с другой? От мысли о сопернице Алёну бросило в жар, больно уколола в самое сердце ревность.

Не замечая перед собой ничего, словно в тумане, она брела по улицам, глотая слезы, не в силах совладать с разъедающей душу обидой.

Сама того не осознавая, Алена искала его и нашла. Это получилось случайно, а может злой рок управлял в тот момент несчастной и привел ее к месту, где всё произошло, на Привокзальную площадь.

Она узнала бы его с закрытыми глазами, среди тысячи похожих лиц. Стоило лишь взглянуть на отдаляющийся силуэт — сердце ёкнуло. Алена пряталась в тени и наблюдала, не смея подойти ближе, вдруг опять прогонит.

Она отчетливо видела, как к нему разнузданно подошла молодая девчонка, он достал

зажигалку, улыбался знакомой ей улыбкой, которая, как думала Алена, предназначалась только ей. Увы, Олег улыбался так всем лицам женского пола и вёл себя в начале примерно одинаково, пытаясь обаять и расположить. А с этой глупой малолеткой можно и не стараться, она не стесняясь, демонстрировала доступность и желание продолжить знакомство. Одним словом — снималась. Алена люто ненавидела соперницу.

Они ушли с перрона, спустились к лысой лесополосе. Она тенью следовала за ними, осторожно и бездумно, сама не знала зачем. Ей было больно и горько, но глаз не отводила, пока Олег возился со своей новой знакомой, сначала стоя, а та сидела на коленях, потом лежа прямо на холодной земле. Он дал девчонке денег, всё время смеялся и скаля зубы в улыбке, записал ее номер телефона, пообещал перезвонить привычно, как и всем обещал.

Ушел короткой дорогой, сократив путь через парк, а девчонка отряхнулась от сухой травы и листьев, довольная и счастливая рассматривала крупную купюру и наверняка, думала на что потратит деньги.

Алена подошла к ней незаметно, сама себе так и не смогла объяснить откуда в руке взялся булыжник, в какой момент она его подняла. Девушка обернулась, совсем молодая, бледная с размазанной дешевой тушью под глазами и не успела толком удивиться, когда получила сокрушительный удар в висок, затем ещё и ещё.

Наконец-то Алене полегчало, будто тяжесть спала с плеч. Любовница Олега лежала перед ней мертвая, раскинув безобразно руки и ноги. Убийца дрожала, и в эту секунду видела мир совершенно другими глазами, ясными и зрячими. Она стала собой.

Алена осмотрела тело девушки — пульса не было, забрала окровавленное орудие убийства с собой и выбросила по дороге в огромную лужу. Дома хладнокровно избавилась от следов крови на одежде, замочив в растворе хлора.

Этой ночью она впервые за долгое время смогла уснуть.

Никто не смел и подумать на нее, она сама смотрела на свое отражение в зеркале и представить не могла, что эта бедная, запуганная девочка способна на хладнокровное убийство. Точное прозвище дали ей коллеги — овечка, кроткая и безобидная, незаметная и глупая. И Алена улыбнулась своему отражению. Это они все глупые и слепые, за что и поплатятся, а в особенности тот, кто причинил боли и страданий на целый век вперед.

Панин полностью доверился стажерке, передав все материалы. Ей не составила труда почистить запись камер видеонаблюдения. Она хотела удалить и ту часть, где засветился Колмаков, но вдруг ее осенила гениальная идея. А что если подставить его? Это будет замечательным финалом: Олег в тюрьме, она его ждет. Там он от нее никуда не денется и наконец-то увидит насколько сильна ее любовь.

Но Панин в упор не желала видеть очевидного и обвинил в преступлении невинного человека.

И это стало толчком для следующего убийства.

Колмакова, смерть недавней знакомой, не очень расстроила, уже в следующую пятницу он шел на свидание к очередной подруге, даже не подозревая, что за ним следят кроткие телячьи глазки Валюшкиной.

В этот раз она подготовилась тщательнее и взяла с собой электрошокер. От вида крови ее тошнило, поэтому она хотела задушить соперницу удавкой.

Дождалась когда Олег выйдет из подъезда и позвонила своей будущей жертве. Карина открыла нисколько не опасаясь. Какая может-быть угроза от маленькой, хрупкой девушки?

— Ты кто? — спросила она.

Алена достала шокер из сумочки и ринулась вперед с перекошенным от злобы лицом.

— Ты чокнутая что ли? — Карина схватила странную девушку за воротник плаща и вытолкала в коридор.

Силы оказались неравны, соперница была крупнее и сильнее. Мелкая Алена цеплялась за стены, брыкалась.

— Иди проспись, дура! — хозяйка квартиры захлопнула дверь. — Ненормальная какая-то!

Девушка не сомневалась, что эта сумасшедшая чья-то жена и пришла отбивать своего гулящего мужа. Карину позабавила прыть низкорослой девчонки, смеясь она вышла на балкон покурить. Откуда ей было знать, что Валюшкина умела взламывать замки.

Забравшись в квартиру, она тихо подкралась к курящей и применила электрошокер. Карина не успела даже ойкнуть, разбилась насмерть.

Теперь-то следствие задумается и выйдет на Колмакова, — наивно полагала Валюшкина. Панин и в этот раз закрыл дело, не разбираясь.

Дни сменяли ночи, ничего не происходило. Колмаков относился к Алене с еще большей холодностью и избегал встреч. Для него их любовь всего лишь интрижка. Как ни старалась, не удавалось выкинуть его из головы. После смерти Карины, Олег вёл себя осторожно и перестал встречаться с женщинами, напивался дома в стельку и никуда не выходил.

Алену порой мучали угрызения совести, где-то еще оставалась живая душа. Больше не хотелось убивать, но сердце требовало мести, требовало Колмакова, жалкого и сломленного, как она сама.

Наверное, с этого и начался раскол сознания. Это были две личности в одном человеке. А иначе Алена не смогла бы так искусно притворяться, иногда она просто забывала о том, что убийца. Лишь оставаясь наедине с собой осознавала весь ужас совершенных преступлений.

Той ночью она выбрала жертву случайно. Настя и не подозревала, кто перед ней на самом деле, поэтому позволила себя обмануть. Алена предложила сопроводить девушку: вдвоем не так страшно, на улицах сейчас опасно, где-то разгуливает маньяк. Только когда они забрели в глубь парка, Настя заподозрила неладное, но было слишком поздно, она не успела сбежать.

Валюшкина надеялась на приезжих москвичей, где-то подсознательно желая быть разоблаченной. Но и те, шли долгое время по ложному следу. Колмаков должен был совершить ошибку и ей нужно было подтолкнуть его, а вместе с тем и Панина. Она знала, что капитан яростно желает обойти в расследовании москвичей и пойдет на всё, чтобы первым поймать убийцу.

Сначала задуманное свершалось, как и было запланировано. Олег, действительно, клянул на удочку и в ужасе стал совершать ошибку за ошибкой. Пытался бежать, якобы в отпуск. Услышав про эксгумацию Карины, поехал на кладбище, знал, что москвичи обязательно найдут доказательства, потом не отвертишься.

Панин отправил следить за ним стажерку. Поздним вечером она позвонила ему и сообщила о действиях Колмакова на кладбище.

“Ничего не предпринимай без меня, я уже еду!” — приказал Виталий Егорович и незамедлительно отправился на задержание. Ему хотелось самолично схватить опасного серийного убийцу и доставить в отдел.

Колмаков достал тело Киреевой из могилы, замотал в мусорные пакеты и уже собирался оттащить к машине, когда из кустов выскочил Панин, нацелив на него пистолет.

— Стоять, не двигаться!

— Виталей? — тот поначалу опешил и растерянно моргал.

— Ага, вот значит кто у нас убийца! Маньячелло! А-ну, поднимайся с земли, гад, и руки вверх!

Олег послушно выполнил команду.

— Виталик, послушай, я не убивал их, клянусь!

— Так я тебе и поверил.

— Меня кто-то подставляет, я не знаю кто, но это правда. Я с ними только спал, а последнюю и в глаза не видел.

— Сказки свои венского леса будешь присяжным рассказывать. А сейчас ты арестован!

Панин потянулся в карман за наручниками.

— Блин! — выругался он. — Наручники в машине забыл! Давай без глупостей, Олежа! Вперед иди!

Колмаков медленно двинулся с места, представляя, чем все это обернется, теперь не отмоется, никто ему не поверит. А что ждет его в тюрьме? Он прекрасно наслышан о том, что происходит с бывшими сотрудниками полиции в местах лишения свободы. От ужаса и паники, трусости, в состоянии аффекта, Олег крутанулся и выбил пистолет из рук Виталика. Тот бросился его поднимать, времени на борьбу не было. Колмаков схватил лопату и опустил ее с силой на голову Панину, капитан рухнул замертво.

— Что я наделал?! — в отчаянии кричал убийца.

— Олег? — тихо послышалось за спиной.

Он обернулся — на него смотрели знакомые до тошноты влюбленные глаза Валюшкиной.

Олег схватил пистолет, но два трупа за раз — это уже перебор, он медлил, не зная, как поступить с нежелательной свидетельницей.

— Олег, я помогу тебе, — вдруг сказала она. — Я помогу избавиться от тела Киреевой, мы сбежим, туда, где нас никто не найдет.

— Что? — Колмаков не верил собственным ушам.

— Я люблю тебя и хочу помочь, — Валюшкина сделала шаг навстречу.

— Ты ненормальная! Не подходи!

— Позволь мне помочь тебе. Мы отвезем тело на пустырь, где нас никто не увидит и сожжем.

Олег расплакался, как маленький ребёнок и совершенно растерялся. Ему сейчас нужен был помощник, самому со всем не справиться.

Алена подошла к телу Панина и равнодушно сказала:

— А этого оставим здесь. Это запутает следствие.

Она как в воду глядела, смерть Панина отбросила следствие на пару миль назад.

Колмаков успокоился и опустил пистолет. Они сбросили тело Виталика в пустую могилу, а тело Киреевой загрузили в багажник.

На пустыре развели огонь. Олег присел на корточки, борясь с желанием и самому сгореть до тла вместе с трупом и лопатой, которой полчаса назад убил Виталика.

Алена обняла его за плечи и шептала:

— Теперь мы всегда будем вместе: ты и я, больше нам никто помешает. Только ты и я.

Он смотрел как языки пламени пожирают тело Карины. Слезы сами капали из глаз, Олег жалел себя и свою никчемную жизнь. Его затуманенный мозг резко прожгло ужасающей догадкой.

Рядом стояла девушка, тенью ходившая за ним по пятам, отчаянно требовавшая от него то, чего он дать не мог — любви. И вела она себя сейчас крайне странно.

— Это ты их убила? — Олег задал этот вопрос, боясь до жути ответа.

Алена продолжала его обнимать, прижалась крепче. Он оторвал от себя ее руки и повторил вопрос:

— Это ты их убила?

— Олег, я люблю тебя, — по щекам ее текли слезы.

Колмаков попятился, едва не ступив в огонь.

— Я всё понял, — теперь в его голове сложился пазл. Он достал пистолет и направил

его на Валюшкину. — Мы едем в отделение.

— Зачем, Олег? Они тебя посадят.

— Я признаюсь, расскажу им правду. Я не серийный убийца.

— Ты убил Панина, на твоей одежде кровь.

Колмаков истерил и неистово кричал, размахивая пистолетом.

— Ты меня заставила! Это ты все подстроила! Я тебя ненавижу!

Алену ранили его слова, рыдая, она просила остановиться.

— Пожалуйста, не говори так.

— Да я никогда с тобой не буду, ты слышишь?! Нет никаких ты и я! Да я скорее удавлюсь, чем останусь с тобой.

Внутри что-то оборвалось, она больше не помнила себя от обиды.

— Тогда я расскажу, что это ты убийца! Все доказательства против тебя, они поверят мне.

— Ах ты сука! — он хотел ее ударить, но не успел. Алена, не обращая внимания на его крики и угрозы бросилась наутек, скрылась в заброшенном здании неподалеку.

Он искал ее повсюду.

— Ты где, тварь?! Выходи!

Вокруг недостроенные стены и бульжники под ногами. Наверху послышался шум, будто камень упал. Олег бросился по лестнице вверх. Глаза привыкали к темноте, у обрыва он заметил ее плащ, не раздумывая подлетел к нему, но самой Валюшкиной там не оказалось. Она выскочила из тени между углами и с силой толкнула его. Затем услышала глухой удар и обрывистый стон. Спустившись, забрала свой плащ и пошла домой, смертельно уставшая.

Когда Перегудов спросил Валюшкину, где она находилась в ночь смерти капитана, она не таясь призналась:

— Я была там.

Астахова сдержала удивленный возглас, а вот Дорошев нет.

Перегудов уже догадывался в чем заключается правда, именно он продолжал допрос, Алена ему доверилась.

— Я толкнула его, — говорила она тихо, — это получилось случайно. Я защищалась.

— Колмаков хотел вас убить?

— Да, как и Панина. Я давно знала, что Олег убийца, но не могла признаться, я любила его.

— Он знал о том, что вам известна его тайна?

— Знал. Он угрожал мне. Говорил, что если я кому-нибудь расскажу, то он убьет меня.

— Подождите, Алена, — решил уточнить Михаил, — вы не рассказывали о преступлениях Колмакова потому что любили его или потому что боялись?

— И то, и другое.

— Почему вы рассказали о своих подозрениях Панину? Я не виню вас, хотя по факту наша группа более компетентна. Почему вы доверились человеку, гнобившему вас и унижающему при каждом удобном случае?

— Я зависела от него. Панин мне тоже угрожал. Он узнал про наш роман с Олегом и шантажировал, заставлял следить за вами.

Здесь уже Астахова не удержалась и воскликнула: “Так вот откуда ноги растут”.

— Извините. Я была в таком ужасном состоянии, не понимала ничего.

— Значит вы следили за ним и в ночь убийства первой жертвы, и в последующие?

— Нет. Только в ночь убийства первой жертвы.

— Расскажите подробно, что между Колмаковым и убитой произошло? Что вы видели?

— Сначала они занимались... этим обычно. Потом Олег заставлял ее... — Алена прочистила горло, стыдливо опустила веки, — заниматься сексом так, как она не хотела.

— То есть в извращённой форме?

— Да.

— Что было дальше?

— Они ругались, девушка оскорбляла его, он схватил камень и ударил ее в висок. Потом я испугалась и убежала. Я его очень любила. Хотела знать, какие женщины ему нравятся, поэтому следила.

Они еще долго слушали подробности страшной ночи, последней ночи Панина и Колмакова. Все трое не знали, как относится к Валюшкиной: жалеть или порицать, но неоспоримо одно — они ей верили.

Пришло время прощаться, спецгруппа справилась с поставленной задачей раньше назначенного срока. Обстоятельства смерти Колмакова теперь более чем известны, хотя мотивы совершенных им преступлений не в полной мере ясны и понятны.

Брагин провожал их до самого перрона. Поезд должен был прибыть с минуты на минуту. Дорошеву нетерпелось запрыгнуть поскорее в свой вагон и забыть об этом городе,

как будто и не было. Астахову и Перегудова беспокоила некая недосказанность, хотя и они желали того же — поскорее отсюда убраться.

— Всего доброго, коллеги, — полковник пожал им поочередно руку, завидев приближающийся поезд.

— Взаимно, — ответила за всех Лариса Георгиевна.

Прощание оказалось коротким, москвичи спешили и это понятно.

Ни один нормальный человек не станет задерживаться в их захолустье, — подумал Брагин и понуро поплелся на работу, которую оставит через месяц и уйдет не по доброй воли на пенсию.

В шумной толпе пассажиров и провожающих мелькнуло грустное лицо, теперь уже бывшего лейтенанта Валюшкиной. Она наблюдала издали за москвичами и хотела воочию убедиться, что те в действительности покидают город. И вздохнула с облегчением, когда поезд тронулся с места, сначала не спеша, затем все быстрее и быстрее, пока вовсе не скрылся за горизонтом.

Только после этого Алена ушла. Удивительно, но в последнее время она больше не плакала, видимо, закончились слезы, чувствовала себя легко и свободно. Единственное, что ее тревожило это дальнейший суд и возможный приговор. Адвокат успокаивал её, да и она сама знала, что много не получит, а скорее всего условный срок за сокрытие преступлений. К тому же есть много смягчающих факторов и таких как она, обычно жалеют. Всё-таки впервые ей на руку притворная шкура бедной овечки.

Алена внимательно изучило расписание поездов и улыбнулась в предвкушении новых городов, мест, которые она обязательно посетит, как только всё закончится. А пока будет грустить, бродить незаметной тенью по улицам и выискивать в каждом мужчине знакомые до боли черты Олега.

Больше книг на сайте - Knigoed.net